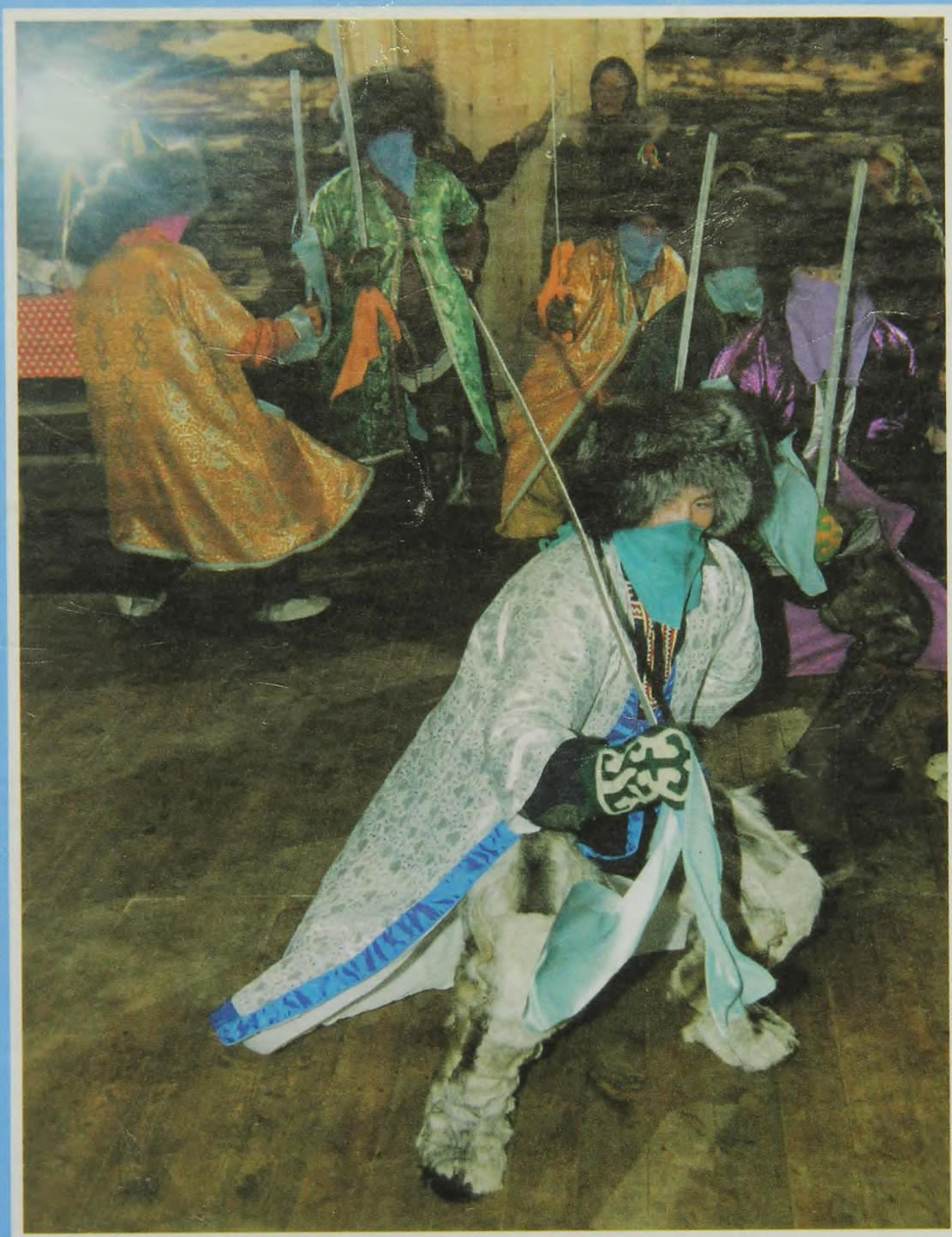

84(2Рос)
КЭЗЗ

7

2002

ЭРИНТҮР

Сергей ЛУЦКИЙ

СНОХАЧ БУСЫГИН

I

— Во! — радостно выдыхает Марго от порога. — Трифоныч на вышке Наташку дрючит. Ей-богу!.. Олежка узнает — что будет!..

Голос у Марго с пропойистой сипотцой, передних зубов наполовину нет, но это Марго не смущает. Она во весь рот улыбается, ее круглое лицо исходит жизнерадостностью. Марго с размаха хлопает себя по ляжкам.

Женщины переодевались в пропахшие рыбой телогрейки (предстояло кормить лисиц) и на слова Марго прореагировали не сразу.

— Да ты чего? Он же свекор ей!.. Поддала уже? Или со вчерашнего не отошла?

Но Марго сбить с толку невозможно.

— Вот этими глазами видела! Чтоб я сдохла, если вру! — Марго заводится, зрачки у нее загораются дурным огнем. — Если свекор, так не мужик, что ли? Прибор работает!.. Наташка молодая, а Олежка неделями дома не бывает, коммерсант хренов.

— Откуда знаешь, что прибор работает? Проверяла? — подначивают женщины. Отношение к Марго на звероферме особое.

— Предложит — проверю, ломаться не буду! — Переходы настроения у Марго стремительные, она уже сипло хохочет. Что-что, а недотрогой Марго назвать трудно. О ее любвеобильном нраве ходят легенды не только в Рябинках, но и среди матросов местной линии речфлота. — О, о, смотрите, Трифоныч на кормокухню подался. А чего, сделал дело — гуляй смело!..

Глядит в окно на пожилого мужика — сторожко оглядываясь, тот спешит от смотровой вышки.

Марго опять смеется. В ее смехе расположение и товарищеское сочувствие. Мол, нормальное дело, чего тушеваться? Так от природы положено.

Переодевшись в лоснящиеся, остро пахнувшие лисьим кормом телогрейки, женщины тоже подступают к окну. И по тому, как торопится и на ходу озирается зверофермовский повар Трифоныч, понимают: Марго не наврала. Что-то и в самом деле на вышке произошло.

Ну, Наташка, кто бы подумал!..

— Она не вырывалась, не кричала? Может, он силой?..

— Ага, нашла дуру! Кто вырывается, если под хорошего мужика попадает? Одни импотенты кругом!..

— Ты, Маргарита, не трепись нигде, — внушительно говорит самая старшая из женщин. — Мало ли чего в жизни бывает. У Наташки семья, зачем проблемы? Олежка дурной, еще застрелит отца.

Марго с готовностью поддакивает:

— Конечно, конечно! Зачем я буду им жизнь портить? Я что, тупая, не понимаю?

И лицо у нее при этом становится веселым и мстительным.

II

Олег скучно смотрел на вишневого цвета дверь с богатой бронзовой ручкой. Двойная. Ничего из-за такой не услышишь. Чего совещаются? Больше часа уже...

— Командир, води в туалет. Мочевой пузырь у меня не резиновый.

Испуг прошел, и привычное состояние нагловатой уверенности возвращалось к Олегу. Что они ему могут сделать? Ну, слегка помяли для профилактики. А если разобраться, он для них ценный кадр. Неизвестно еще, для чего охранник больше приставлен: чтобы он, Олег, не слинял или чтобы ни одного волоса с его головы не упало. Случись что, кто ссуду возвращать будет?

Охранник, мясистый молодой мужик в камуфляже, взглянул на Олега исподлобья. Его поведение охраннику не нравилось.

— Руку! — Он щелкнул наручниками на своем запястье, потом на Олеговом. Приковывать к себе было совсем ни к чему, но охранник хотел, видимо, показать, кто здесь главный. — Гуляй за мной.

Олег усмехнулся. Гнилой мужик!.. Но через минуту уж об этом не думал. Он шел по светлым, с дорогими картинками на стенах коридорам банка, с удовольствием смотрел на двери с роскошными табличками, вдыхал пахнувший деньгами и успехом воздух, — и душа подрагивала от счастья.

Молодцы ребята! Умеют!.. И его место в их мире. А все эти прилизанные клерки и увешанные золотом бабенки (как от заразного к стенке шарахаются!) еще будут, будут целовать ему задницу!..

Собственно, в туалет Олегу не нужно было. Просто он давно подметил: лучше всего о фирме говорят туалеты. И если случалось бывать в солидной, не мог отказать себе в удовольствии заглянуть туда. Сверкающие роскошью итальянских смесителей и белоснежных писсуаров помещения! Запахи дорогих освежителей и жидкого мыла в элегантных флаконах!..

— Здесь-то отпусти, — сказал он охраннику. — Не бойсь, через окно не убегу.

Тот пожал накаченными плечами, разъял стальную скобу на Олеговом запястье.

— Куда ты от нас денешься — четвертый этаж... На задвижку не закрываться, понял?

— Как скажешь, начальник!

Олег прикрыл за собой дверь. В ноздри остро вошла свежесть моря. В ясных, с едва уловимым свинцовым оттенком зеркалах до малейших подробностей отражался крутой евростандарт.

Он причесался, поиграл со смесителем (такого Олег еще не видел: вместо привычных кранов — массивная никелированная ручка, которой все сразу и регулируется — температура воды и напор). Уважительно прищелкнул языком.

Подумаешь, нет денег ссуду вернуть! Херня, все будет путем!.. Роскошь туалета непонятным образом убеждала его в этом.

— Шустрее! — слышалось из-за двери. — Вызывают!

Олег еще раз провел ладонью по коротко стриженным волосам, с сожалением окинул взглядом сверкающее и лоснящееся великолепие.

— Подождут. В штаны мне, что ли?... — Но задерживаться все же не стал. С этими мужиками перебарщивать нельзя, отобьют почки.

Охранник спрятал мобильник, по которому, видимо, только что получил цэу, торопливо щелкнул наручниками. В его движениях сквозила непривычная суетливость.

— Строго тут у вас, — насмешливо прищурился Олег. — Платят-то хоть нормально?

Охранник шел рядом, сопел и ничего не говорил.

Через полчаса они уже были в аэропорту. Предстояло лететь в Рябинки. Как Олег понял, через день-два приедут описывать его имущество. А пока, значит, он будет под домашним арестом. Под присмотром этого Терминатора.

— Пошли покурим, — дружелюбно предложил Олег. Мужик гнилой, но мосты наводить надо. — У меня уже уши в трубочку сворачиваются. Прикинь — с утра не курил!..

Скучно в этот час было в аэропорту. Посадку на вертолет объявлять не торопились. Через весь зал ожидания вытянулась на регистрацию очередь смиренных вахтовиков из Самары. Эти улетали самолетом. Где-то нудно капризничал ребенок.

Охранник молча вывел Олега на просторное крыльцо. От предложения закурить дорогой "Парламент" отказался, достал свою "Яву". "Держит дистанцию", — хмыкнул Олег.

— Слушай анекдот. Как зовут тебя?

Охранник помолчал, потом буркнул:

— Илья.

— Так вот, Илюха. Приезжает, значит, один мужик из наших мест в Париж. Ну, всякие там достопримечательности смотрит, Лувр и все такое. Повезли его к Эйфелевой башне. А там целая толпа. Все не на башню смотрят, а на какого-то мужика. Тот стоит и пускает по-русски матюги. Наш к нему подходит, мол, ты чего? А тот: земляк, я четвертый раз в Париже и каждый раз сюда прихожу. Ну когда эта долбанная вышка нефть наконец даст?!

Олег первым засмеялся, откидываясь всем телом назад. Но тут же замолчал и стремительно потянул охранника за собой. От автобуса к крыльцу аэропорта шел средних лет мужчина в соболиной шапке. Олег принялся кланяться ему в пояс, куражливо зачастил:

— Спасибо, отец родной, спасибо! Век помнить буду! Дай тебе бог здоровья, Валентин Степанович!.. — Насколько позволял упирающийся и ничего не понимающий охранник, Олег поднял вверх перехваченное наручниками запястье. — Из-за тебя, кормилец, повязали, чтоб ты сто лет жил и двести раком ползал! Спасибо, Валентин Степанович, спасибо, благодетель!..

Обойдя стороной, мужчина в соболиной шапке скрылся за дверью зала ожидания. Вышедшие вместе с ним из автобуса люди с усмешкой поглядывали на Олега.

— Ты это кончай, — тихо, сквозь зубы сказал охранник. — У меня лицензия, я школу Виннера кончил. Удар правой сто пять килограммов, понял?!

Олег не спускал глаз с прозрачной, из толстого стекла двери.

— Я его еще в вертолете позорить буду! Я его достану, отвечаю!..

Охранник помедлил.

— Кто это?

— Глава нашей администрации. Пожалел дать подряд на содержание зимника. Сейчас бы проблем у меня не было! — Олег поиграл желваками и с чувством добавил: — Мудила!

III

Мартовский день с январским не сравнишь, пусть даже будут морозы. Зимой все мертвое стоит. А в марте кора осинника на другом берегу Ваха уже зеленая. Значит, пошла работа. Началось.

Трифоныч, раздувая ноздри, остановился посреди двора. Весной пахнет. Такие дни бывают зимой в оттепель, но то обман. Работа начинается сейчас. Солнце оплавало снег, он стал крупчатый, сверху превратился в блескучий наст. Две-три недели — и начнет собираться под ним вода, хлынет ручьями в реку... Вон и кончики веток на березе уже красные.

Пошло дело!

Кажется, столько еще времени до лета, а жизнь начинается теперь. Жизнь торопится сделать, что ей полагается. Это если говорить про деревья. Лошади, коровы и овцы живут по-своему. Но жизнь им дает то, что растет из земли. Через них — человеку. Что человек сам по себе? Зверем бы стал, в норе бы жил...

В узкое, похожее на бойницу окошко стайки вываливались шматки навоза пополам с сеном. Показывались и прятались обратно вилы работника. Заходить в стайку было ни к чему — пропахнешь навозом, а это сейчас некстати, — но Трифоныч не удержался. Мысли о работе, которой с каждым днем все больше и больше наполняется окружающая жизнь, требовали зайти.

Под низким потолком бревенчатой стайки было тепло, привычно и хорошо пахло коровами. Бусыгин прошел мимо вяло покачивающих хвостов, заглянул в отделение к Червонке, любимице. Корова повернула к нему голову. Своим большим животом она напоминала дирижабль и едва помещалась между дощатыми стенками. Крупные влажные глаза смотрели мученически и удовлетворенно. Червонка вот-вот должна была отелиться.

Бусыгин почесал кучерявый лоб тупо уставившемуся на него быку. Прошел к огороженному закуту, где под низко опущенными сильными лампами грелись недавно родившиеся поросята. На секунду задержался у яловой Комолой.

Надо убирать.

И Червонка, и поросята, и глупый бык работали, делали свое дело. Червонка, как и другие коровы, носила теленка, потом начнет давать молоко. Поросята росли, укреплялись в жизни, набирали вес. Бык копил силу, чтобы летом отдать стаду. Трифоныч чувствовал, они заодно с ним, делают одно и то же дело, неизвестно кем и когда человеку и скоту назначенное. А Комолая не хотела быть, как они, как Бусыгин. Не хотела работать, делать назначенное. Пустоцвет. Сорная трава.

— Ясли поплотней сделай. Набей пару реек, — сказал Трифоныч работнику. — Много сена затаптывают.

Работник продолжал размашисто бросать в окошко навоз, не обращая на его слова внимания.

— Андрюха, тебе говорю!

Работник остановился, вынул из уха фитюльку на тонком, уходящем за пазуху проводке.

— Чего?

— Ясли, говорю, поплотнее сделай. Вон сколько сена в навозе... Что это у тебя?

— Плеер. Музыку слушаю.

Бусыгин пошевелил бровями, задержал на работнике взгляд. Под сорок мужику, а забавляется, как пацан. Им бы оглушить себя — музыкой или водкой, неважно. Главное, чтобы не думать. Что за народ такой?..

Бусыгин ступил за калитку. Взлетающее с каждым днем все выше солнце било в глаза, ощутимо грело лицо. Длинная сельская улица по бокам была оторочена слепящими сугробами. Редкие прохожие здоровались с Трифонычем первыми.

Встретиться с директором школы он договорился еще утром. И сейчас шел к двухэтажному типовому зданию с приятным чувством. Не только потому, что надеялся продать в школьную столовую мясо Комолой. Директора Бусыгин уважал. Это был понятный ему человек.

На полпути Трифоныч обнаружил, что забыл сигареты. Надо зайти в магазин. Из-за печки "Прима", конечно, лучше — сухая, но не возвращаться же домой. На воздухе его всегда тянуло закурить.

В холодном кирпичном магазине пахло апельсинами, турецкими кожаными куртками и селедкой. Народа не было, лишь у прилавка, облокотясь, стояла Валентина Нефедова и разговаривала с новой продавщицей. А что ей еще делать, подумал Бусыгин. Мужа похоронила, сыновья с семьями живут отдельно. Вот и ходит в магазин, как в клуб — язык чесать. Обычно народа здесь хватало.

— Трифоныч, а я Татьяну твою видела! На рынке обувью торгует! — громко, как о великой радости, сообщила Нефедова. — Говорит, от хозяина. Холодно на морозе целый день, зато выходит у нее неплохо! Тысяч, говорит, по пять каждый месяц хозяин платит. Это сколько ж тебе, Трифоныч, за эти пять тысяч надо работать?

Дурная, подумал Бусыгин. Что на уме, то на языке. Видеть Валентину ему было досадно. Не потому, что слишком простая и все, что угодно, может ляпнуть. Стыдно было думать, что спасла его в послевоенную голодуху такая вот женщина.

— Как ты один живешь-то? — не отставала Нефедова. То, что Трифоныч хмуро зашевелил бровями, ее не остановило. Склеротические щечки Валентины рдели, глаза смотрели ясно, наивно. — Вы с Татьяной развелись или как? Ее целый год в деревне нет — где, думаю. Говорит, дочери помогаю, потому живу в городе, на рынке, дескать, торгую. А ты как? Тебе кто помогать будет? Хозяйство вон какое!..

— Разберемся как-нибудь, — скупно сказал Бусыгин. На Нефедову он не смотрел. Глаза обегали полки, тесно уставленные импортными товарами в красивых цветных упаковках. — "Прима" есть? Или все уже заграничное? — спросил он продавщицу, недавно приехавшую с большой земли, по-городскому сухопарую, в щеголеватом голубом переднике.

— А то смотри, невесту тебе найдем! — вела свое Нефедова. И вдруг хихикнула: — Я хотя бы. С детства к тебе симпатия, а то не знаешь!..

Бусыгин чуть не выругался. На похороны копить надо, а не замуж собираться!.. Валентина все не могла остановиться:

— Паша, подумай, какая жизнь хорошая настала! Вспомни, как на рыбучастке работали!.. — Она теперь испуганно переводила взгляд с Бусыгина на вежливо молчащую продавщицу и обратно. — Из сил выбьешься, пока из протоки рыбу привезешь. Кровавые мозоли от весел! И все быстрее, быстрее, чтоб рыба не завоняла, первым сортом сдать, а то бригадир отчехвостит!.. Сейчас работай на себя, фермером становись или так, еще спасибо скажут! Силы только нет. Молодым хорошо, которые позже родились, рыбучасток их не тиранит. И ты, Паша, еще ничего, крепкий мужчина, еще при капитализме богатый станешь!..

— Ага, миллионером, — хмыкнул Бусыгин.

— Это ты правильно, что на пенсию не идешь. — Нефедова завелась, теперь ее было не остановить. — Какая от пенсии польза? Так с работы корму принесешь, скотине задашь — чего хозяйство не держать, когда на звероферме работаешь? Все под рукой, не ленись, носи!..

Трифоныч налился кровью.

— Дура ты, Валентина, — трудно сказал он. — Как с молодости ума не было, так и пошло!.. Чужого человека постеснялась бы.

Нефедова удивилась, взглянула на продавщицу.

— А чего я сказала? Кто не знает, что со зверофермы таскают? Не ты один. Марго, так та комбикорм на водку меняет, вчера мешок загнала!.. Не правда, что ли?

Видеть ясные Валентинины глаза не было сил. Трифоныч безнадежно покачал головой и, быстро расплатившись, вышел из магазина. От греха подальше.

КУСОК ХЛЕБА С КОМБИЖИРОМ

— На! На!.. — Не вынимая из кармана руку (пусть думает, что у него в кармане хлеб или вареная картофелина), Пашка сделал шаг к Рябому. Топорик он спрятал за спину.

Пес недоверчиво отскочил. Он сторожко следил за каждым движением хозяина, по пегой морде было видно, что в нем борются голод и страх!

— Чего ты! На! — Пашка сделал вид, что достает из кармана съестное.

Рябой остановился, готовый податься к нему, он жадно смотрел на Пашкину руку. Пашка бросил под ноги скомканную тряпку и, когда Рябой стремительно кинулся к ней, взмахнул топориком.

Пес с визгом отскочил, перемахнул через темные хлысты ограды и, скуля, понесся вдоль улицы. Пашка чуть не заплакал. Не попал! В животе давно перестало бурчать. Он был сейчас сплошной ноющей раной.

Пашка не заметил, как с другой стороны улицы подошли Танька Земскова и две девчонки-калмычки из сосланных в войну. В руках Танька с достоинством держала портфель, единственный на всю деревню — все остальные ребята в Рябинках ходили в школу с матерчатыми сумками. Танька из зажиточной семьи, ее отца, передового охотника, даже на фронт не взяли.

Пашка заторопился в дом, но Танька все же успела крикнуть:

— Не переживай! Приходи к нам, у нас кошка сдохла!..

Окаменев от стыда, Пашка смотрел вслед девчонкам через давно не мытое окно. Танька ему нравилась. Нужно же было случиться, чтобы она все видела!..

Когда Танька и калмычки скрылись за краем окна, Пашка внимательно осмотрел избу. Он знал, что нести менять больше нече-

го, но все же порыскал глазами по углам. Оставалась икона на стене под потолком, да кто ее возьмет?..

Если найти несколько горошин, можно было бы распарить, насадить на крючок и попробовать поймать сороку. Рыба в речке сейчас не ловится — потемневший, в трупных пятнах лед отошел от берегов, вот-вот тронется. Но где возьмешь горох? Последнюю заначку Пашка съел два дня назад. Топорик тоже менять нельзя, пригодится. И дрова порубить, и так... Пашка сглотнул голодную слюну.

Он залез на печку, закопался в оставшееся от матери тряпье, пробуя заснуть. Во сне голод не так донимает. Но заснуть не получалось. Пашка уже начинал жалеть, что сбежал из интерната. Конечно, там старшие пацаны бьют и порции отнимают, но иногда что-то достается.

Голод становился нестерпимым. Пашка слез с печки, пожевал приготовленную для растопки бересту. Выплюнул. Пойти на болото, поискать перезимовавшую под снегом клюкву?.. Но там сейчас полно талой воды, промокнешь и ничего не найдешь. Да и дойдет ли он до болота?..

Оставалось одно — на конюшню, к Вальке. За недостатком мужиков ее недавно назначили конюхом. Идти не хотелось, но голод был сильнее.

Пашка вышел на улицу, глянул в обе стороны, не видно ли собак? С тех пор, как он стал их есть, собаки чуяли в нем врага и, заведя, остервенело набрасывались. Следовало остерегаться и служащих комендатуры — заметят, отправят обратно в интернат.

Из-за пригорка, трудно мотая головой, поднималась запряженная в сани лошадь. Снег на дороге почти стоял, полозья шли по раскисшему суглинку. На передке саней, выставив в бок деревянный, формой смахивающий на бутылку протез, сидел фронтовик Алябьев и с удовольствием смотрел по сторонам. Вслед за его санными поднимались еще двое, на каждых — тяжелый ларь с рыбой.

С дальних озер возвращаются, понял Пашка. Он с надеждой смотрел на приближающиеся лари — а вдруг выпадет рыбина?..

— Чего зыришь? — радостно закричал Алябьев. И потому, что наконец-то прибыл домой, что впереди баня, стакан самогона и мягкая теплая жена, вытянул от полноты чувств Пашку кнутом. — С дороги, кулацкое отродье!..

Пашка затравлено сиганул в сторону. Стоя по щиколотку в грязи, подождал, когда пройдет обоз. Надеялся он напрасно, ни одной рыбины не выпало из ларей. Даже паршивого чебака.

Вскоре он уже был в полутемном помещении, низком и широком, смотрел на спешащую к нему грудастую девушку в телогрейке и кирзовых сапогах.

— Помогать пришел! — уверенно сказала Валентина, глядя ему прямо в глаза. — Дак наши лошадки заслужили, чтобы за ними ухаживать! Невода разве таскать легко? Всю зиму наши лошадки на сорах и озерах работали, план давали. А ты сын погибшего трудармейца, обязан помочь. Это твой вклад в восстановление разрушенного фашистскими оккупантами народного хозяйства!..

Пашке казалось, он чувствует пыльный сытный запах овса из чулана, ключ от которого хранился в кармане Валентиной телогрейки. Ему было стыдно, что Валька его любит, что она такая взрослая, и что пригнал его сюда голод.

— Завтра пасха, дак ты смотри, на кладбище не ходи! — неизвестно к чему заговорила девушка. — Это только несознательные старухи ходят, а ты будущий комсомолец, я тебе рекомендацию в организацию дам... У тебя кто в Рябинках похоронен?

Пашка, соображая, как попросить овса, замешкался.

— Ты чего, язык проглотил?

— Дед, сестра маленькая... Мама недавно.

— А Колька где?

— Убежал. Еще в прошлый год.

— Несознательный! Не понимает заботы советской власти твой брат! — рассердилась Валентина. Но тут же и отошла: — Дак ты, Паша, смотри, на кладбище не ходи. Насчет души попы придумали, чтобы дурить людей. Я в комендатуре на лекции была, там рассказывали... Бери скребок, пойдем лошадей чистить.

Пашка собрался с духом:

— Валь, овса дашь?

— Да ты чего!.. Это ж народное имущество!.. Ты, Паша, избавляйся от кулацкого духа. Твой-то отец своей жизнью искупил. — Она остановила на нем взгляд ясных выпуклых глаз, наконец сообразила: — Есть хочется? Голодный?

Пашка молчал. Валентина достала из кармана газетный сверток, подала Пашке.

— Ешь!

Пашка деревянными руками принял сверток, стал неловко разворачивать.

— Думала сегодня на обед домой не идти, теперь-то уж пойду. Так даже лучше, горячих щей поем!.. А хлеб, знаешь, с чем? — Валентина смотрела на бутерброд в Пашкиных руках. — С комбижиром! О таком, небось, и не слыхал? Из братова пайка, им в комендатуре полагается. Ешь, ешь! Я тебе завтра еще принесу.

Пашка отвернулся и впился зубами в хлеб. Валентина захохотала.

— Паш, ты аж дрожишь! Собака, ей-богу, собака!..

IV

Выступать в вертолете Олег не стал. Тем более, что Валентин Степанович, торопливо мелькнув собольиной шапкой, уселся в другом конце салона, подальше от него.

Олега заинтересовали трое мужчин в добротных, по всему видно, заграничных пуховиках. Лица у них тоже были какие-то не русские, слишком довольные и доброжелательные. Иностранцы, сообразил Олег.

Вертолет на этот раз дали почему-то не пассажирский, с мягкими, как в автобусах, сиденьями, а грузовой, с двумя длинными лавками вдоль бортов. Жителям дальних деревень это было на руку. Все пространство между лавками они заполнили битком набитыми клетчатыми сумками.

— Бизнес! — с покровительственной усмешкой кивнул на сумки Олег, когда поймал взгляд одного из иностранцев.

За грохотом двигателя иностранец сказанного, конечно, не слышал, но с готовностью закивал. Судя по всему, он и два его товарища работали в российско-канадской компании, находившейся в километрах пятидесяти за Рябинками. О существовании такой Олег слышал, но ни с кем там знаком не был.

Когда вертолет сел на дозаправку, Олег подошел к канадцу. Тот, отступив от выложенной бетонными плитками площадки, говорил по мобильному телефону и улыбался.

— Удобная штука, — Олег показал на трубку. — Всегда под рукой. Аппарат не нужен, провод не нужен... — И соврал: — У меня тоже такой есть. Дома оставил.

Канадец предостерегающе поднял вверх указательный палец. По-прежнему улыбаясь, сказал в мобильник еще несколько фраз и лишь потом отключил его.

— Хорошая вещь, говорю, — Олег приложил к уху воображаемую трубку. Сейчас он жалел, что толком не выучил в школе английский. Приходится, как дикарю, объясняться знаками. Чем черт не шутит, может, это знакомство когда-нибудь пригодится. — Вери велл. Как у нас в рекламе говорят, весь мир на тарелке!.. — И Олег изобразил ладонями спутниковую антенну, парящую где-то высоко над ними в космосе. — Глобализейшн!..

— Так-так, добра рич, — неожиданно сказал канадец.

Олег опешил

— Ты что, хохол?.. Вы, то есть.

Канадец засмеялся.

— Так, хохол. Мий дид у Канаду прымандрував з Західної України. Е такий таун... э-э, мисто Черновицы.

— А, бывший бендеровец, понятно!

— Дид нэ е бэндэровецъ, — упрямо замотал головой канадец. — Пан Бэндэра воював з нимцямы та советамы пизниш. Мий дид з Австро-Угорской империи примандрував, щэ до пана Бэндэры...

Нужно было срочно менять тему разговора. Скользкое это дело, национальный вопрос.

— Мой сикьюрити, — сказал Олег, небрежно кивнув на охранника Илью, который ни на шаг не отходил от него. В вертолете он снял с Олега наручники и теперь внимательно следил за каждым его движением. — Я деловой человек, бизнесмен, но еще немного занимаюсь охотой. Так что если нужен хороший мех, могу помочь. Ну, соболь там, лисица, белка... Жена мех любит?

— Айм дивород... э-э, у шлюби нэ живу. До того ж люды з Грынпису у нас хутрови рэчи фарбою облывають. Кажуть, цэ е бэд, тварын вбываты.

— А с кем тогда по мобильнику ворковал?

— Та з сыном. Вин у колледжи навчається. Зараз у Монрэали ранок, я йому затэлэфонував, розбудув.

Охранник Илья засопел и сказал вполголоса:

— Ни фиги себе. От нас в Канаду звонит, сына будит!..

— Нормально, — веско заметил Олег. Он понимал канадского хохла с пятого на десятое, но на этот раз все разобрал. — Глоболизация, слышал такое слово? Чем вы только в своем банке занимаетесь... Глобализейшн, правильно говорю? — обратился он к канадцу. — Мир на тарелке, новые информационные технологии!..

Заправка вертолета шла неторопливо. Внушительный гофрированный шланг все еще торчал в первом баке. Оба пилота и штурман, накинув короткие летные куртки, вальяжно стояли у спущенной на землю дюралевой лесенки и шурились на солнце. Пассажиры бродили вокруг устало опустившего лопасти вертолета. От площадки тянулась набитая снегоходами дорога к домику авиакассы, на котором виднелось выбеленное морозами приветствие прибывающим в село.

— Эх, мужики! — воскликнул вдруг Олег и крепко ударил кулаком в ладонь. — А ведь у меня был шанс! Вот такой шанс!.. Сейчас бы тоже приезжал в Россию в командировку, а жил за бугром как ты, хохол. Чуть-чуть везения не хватило!.. От переполнявших его эмоций Олег плюнул под ноги.

— Не вешай лапшу, — хмыкнул охранник.

Канадец, поглядывая на них, непонятно улыбался.

— Здоровьем клянусь! — Олег на кавказский манер завращал глазами. — Сыном клянусь!.. Ладно, расскажу, — сказал он, быстро успокаиваясь. — Слушайте сюда.

СКАЗ ОБ УДАЧЛИВОМ СОПЕРНИКЕ

— Был в моей жизни экстремальный период, мужики. Я вообще человек рискованный, по краю хожу, но не об этом сейчас речь. Мне в районной газете советовали о своей жизни написать — обещали с продолжением печатать, как бестселлер. Но это к слову. А если по делу, ситуация такая сложилась. Я тогда со своей россомой практически не жил, был на грани развода. Скучная баба. Чего вы хотите, всю жизнь на звероферме. Какие у нее интересы? А тут молодая девчонка, студенточка, все нормально. И в головке есть, и внешне все на месте. Фейс энд боди вери велл, йес, канада?.. Ну, почти фотомодель. Я тогда из деревни уехал, устроился в ЖЭКе. У меня восемнадцать профессий, клянусь! Я все умею — и на бульдозере пожалуйста, и корочки помощника капитана речного флота имеются, и помбуром могу у нефтяников!.. Допустим, понадобится сейчас вертолет поднять. Не сумею, думаете? Херня! Все людьми придумано, разобраться не проблема. При Советском Союзе я сезон в Туркмении змей ловил. У них яд для научных целей брали. Вот где кайф! Все время на нервах. Еще фаланги на каждом шагу и скорпионы — нормально!.. Ага. Поступает однажды вызов из девятиэтажки. Протекает туалетный бачок, соседи внизу панику подняли. Я звоню в квартиру. Открывает девчулька в очках, на глазах слезы. Не знаю, как вы, мужики, а я от женщин в очках балдею. Очки им что-то такое придают.. Если отношения дальше заходят, очки с нее снимешь, она такая беспомощная становится, столько чувств к ней сразу... Хотел бы я того козла встретить, который ей бачок ставил. Гнилой все-таки народ у нас! Бачок был с трещиной, так что этот мудила сделал? Краской трещину залил! Естественно, какое-то время она воду держала, а потом бачок стал подтекать. Главное, сразу не понять, почему. Лариска нервничает, мне тоже не в кайф — профессиональная гордость задета, сами понимаете. Но разобрался! Бачок заменил бесплатно, был у меня в записке. Потом пару раз заходил вроде как посмотреть, все ли нормально. Хорошо познакомились. После одной халтуры я ее пригласил в ресторан. Выпили, повеселились. Потом, естественно, секс. В общем, женщина в моем вкусе. И я ей, вроде, понравился. Короче, закрутилось у нас. Но что-то, замечая, Лариска моя постоянно на взводе. Чем ближе к лету, тем больше. Думал, перед госэкзаменами волнуется — она иняз в пединституте заканчивала. Потом чувствую — нет, другое. Стал выяснять. Опаньки, в июле у нее свадьба! Должна выйти за бывшего одноклассника!.. Он тоже институт заканчивает, но на большухе, откуда они все родом. Насчет свадьбы, оказывается, родители еще год

назад договорились. Я ей: что за дела? У нас Кавказ? Что за горские обычаи? Ты кого любишь, меня или его?.. А на Лариску мать давит. Эта жаба заведовала клубом в районе, специально купила в городе квартиру, чтобы было где молодым жить. А может, деньги отмывала, хрен ее знает. Накручивает Лариску, дескать, подумай о перспективе. Кто он такой — я то есть. А у того парня практически высшее образование. Опять же, мол, перед родственниками его неудобно, они уже к свадьбе приготовились. Для их деревни это позор — невеста переметнулась. Короче, ситуация! Я Лариске сказал: сама решай. Сейчас понимаю, зря. За счастье надо бороться, а не прикидываться благородным фраером! Надо было круто с мамашкой поговорить, она мутила воду, жаба!..

Но соль, мужики, в другом. Важно то, что дальше вышло. А вышло, что после института Лариска устроилась в крутую фирму секретарем-референтом. Симпатичная, английский и немецкий знает, с компьютером ноу проблемс... Короче, ее там оценили. И как раз приехало начальство из Москвы. Вышла нестыковка. Ларискиного шефа на месте не оказалось, так она гостей сама приняла. Стол накрыла, чай, кофе, бутерброды с икоркой, светские разговоры. А высокое начальство к сибирским морозам не привыкло. Горячий чай им понравился больше всего. К тому же, прикиньте, если он приготовлен симпатичной воспитанной женщиной. Короче, московский генерал забрал ее с собой. Фирме, говорит, такие люди нужны, заботливые и внимательные. Забрал с мужем, этим пентюхом. Фирма сняла для них в Москве квартиру, мужа тоже пристроили на хорошие бабки. А потом Ларискиного нового шефа переводят в Германию, представлять фирму за рубежом. Шеф ехать без нее не захотел, тем более, что она немецкий язык знает. Муж, естественно, при ней. Ничего не сделал, а живет сейчас в Германии, нормально получает — фирма нефтью торгует! Короче, везунчик. Вот так я пролетел, мужики!..

Несколько секунд все молчали.

— А что ее так начальство любит? — простодушно поинтересовался охранник. — Обычная секретарша. Странно даже как-то.

Канадец ухмыльнулся и почесал в затылке.

— Не знаю! Не в этом дело! — загорячился Олег. — На месте ее мужа мог быть я, вот что главное! И не с вами бы сейчас стоял, а в нормальном офисе где-нибудь в Берлине сидел. Рейн за окном, зарплата в дойчмарках!.. Олег вдруг повернулся в сторону вертолета и гнусаво запричитал: — Валентин Степанович, отец родной, ну где же ты там прячешься? Покажи ясное личико! Истосковался я, тебя не видючи!..

В школьном дворе, обсаженном хилыми березками (каждое лето их объедали деревенские коровы), Трифоныч увидел внука. Меднорыжего Генку обступили ребята постарше, с любопытством заглядывали в руки. Там что-то пищало, требовало к себе внимания. Подойдя, заглянул через головы и Трифоныч.

— Это томагочи, игрушка такая, — довольный общим к себе интересом, пояснил внук. Он нажимал на кнопки, смотрел на миниатюрный экран. — Я ее должен накормить, а то сдохнет.

— Игрушка? — переспросил Бусыгин. Сказал это насмешливо и преувеличенно удивленно, как разговаривают в таких случаях с детьми, но не понимал он по-настоящему. — Говоришь, игрушка может сдохнуть?..

— Ага, папа недавно привез. Сейчас я ей банан... Не хочет! А яблоко?... Тоже не хочет. Йогурт... О, йогурт съела!

Томагочи перестала пищать. Генка, сбив на затылок вязаную шапочку, громко выдохнул и вытер со лба несуществующий пот. Огненно рыжий чубчик победно топорщился. Ребята вокруг завистливо смотрели на Генку.

— Отец дома?

— В городе! — легкомысленно ответил внук, упиваясь общим к себе вниманием. Он раскраснелся, глаза счастливо блестели.

"Олежка, копия! — Трифоныч иронично пошевелил бровями. — Хотя и рыжий".

— Скажи матери, пусть зайдет ко мне, дело есть... Смотри, не забудь.

— Сам скажи, некогда мне. — Генку несла безразличная ко всему на свете волна счастья. Зажав томагочи в руке, он побежал к калитке. Пацаны, как привязанные, потянулись за ним.

Бусыгин качнул головой. И этот не в его породу! С тем, что сын удался в жену и толку с него не будет, он давно смирился. Но ведь должны когда-то сказаться его гены! Разве можно, чтобы на нем, Трифоныче, все закончилось? Он не сам по себе, за ним отец, дед и Бог знает, сколько еще поколений работающих и рассудительных мужиков. Не может так быть, чтобы их порода не проклюнулась в ком-то.

Он поднялся по бетонным ступенькам двухэтажного типового здания. В школьном коридоре со стенгазетами, белеющими в простенках между дверями классов, было тихо. Уроки, как Бусыгин и рассчитывал, закончились, никто его разговору с Михаилом Филимоновичем не помешает. Костяшкой согнутого пальца он осторожно, уважительно стукнул в директорскую дверь.

— А, Павел Трифонович, заходи! — Директор тяжеломерно поднялся навстречу, протянул большую мягкую ладонь. — Кстати пришел, хочу твое мнение узнать. Ну-ка, оцени!

Задевая по пути стулья, Михаил Филимонович прошел к шкафу и достал пальто.

— Наконец-то построил. Черти, протянули до конца зимы! Три раза в город летал на примерку... — Он влез в добротное, с барашковым воротником двубортное пальто. Застегнул пуговицы и, вскинув голову, потоптался перед Бусыгиным. — Ну, как тебе?

Много в этом человек нравилось Бусыгину. И то, что директор весил килограммов сто с гаком. И то, что в свои шестьдесят был еще крепким, пусть и полностью лысым мужиком. И что как к равному относился к нему, зверофермовскому повару.

Но больше всего располагало и делало близким то, что они с директором одного возраста. Понимают друг друга сразу. Для молодого, например, странно слышать, что пальто можно построить, а ему, Трифону, тотчас вспоминается пятьдесят девятый год, приятная тяжесть пачки больших, в тетрадный лист, сторублевков, которую он получил в конце навигации и которую все время чувствовал в нагрудном кармане. Вспоминается обходительный еврей в ателье индпошива в Сургуте, его жилетка и перекинутый через шею сантиметр, вопрос: "Какое пальто желаете построить? Демисезонное, зимнее или макинтош?.." Плотгоны рядом со значительным видом шупают образцы материи, морщат лбы и выпячивают губы, а лощман Коровкин роняет: "Хорошее пальто построй. Не все ему в телогрейке ходить. Женним парня".

Одно слово, а сколько всего!..

— Сейчас, конечно, мода другая. — Михаил Филимонович стал снимать пальто, так же побряхтывая, неуклюже, как и надевал. Голос его прерывался. — Сейчас в основном... куртки и дубленки... А мне пальто по душе. Настоящая вещь и... и солидно...

С порозовевшей от проделанных усилий лысиной он вернулся за свой директорский стол, кивнул на ближний стул.

— Садись, Павел Трифонович. Так как тебе моя обновка? Сидит? По фигуре?

— В самый раз, — отозвался Бусыгин. Он пришел просить, зависел сейчас от директора, но похвалил искренне. Впрочем, сразу к делу не приступишь, нужно с подходом. И он спросил: — А где ты ателье для мужиков отыскал? Сейчас их, считай, не осталось. Все готовое покупают.

— Захочешь — найдешь, — довольно ухмыльнулся Михаил Филимонович. — Себе заказать хочешь?

- Дак лето на носу, куда.
- За летом зима приходит.
- Так-то оно так... С деньгами негусто.

Жаловаться на отсутствие денег в их возрасте было несолидно, однако очень уж хороший выходил поворот на нужную тему.

— Тебе ли говорить, Павел Трифонович! Крепкий хозяин, если по-советски, не обижайся, кулак. Счет в банке, полагаю, имеешь, да не один...

Бусыгин преувеличенно громко засмеялся. Такие разговоры ему не нравились, в обычное время он их быстро пресекал. Здесь нужно было потерпеть.

— Ты скажешь, Филимоныч! Хозяйство есть, а куда сбывать? В город на вертолете возить? Дак это я одну дорогу окуплю. А что наши деревенские у меня молоко берут, только на корма выручки и хватает!.. Сейчас вон надо яловую корову убирать, а куда мясо девать? Все на ножки Буша перешли, их в магазине, как грязи. Разве что для столовой возьмешь? Мясо хорошее, корова здоровая. Если б не яловая, ни за что убирать бы не стал.

Бусыгин выжидающе смотрел на директора. Тот завозился в кресле.

— Почем за килограмм хочешь?

Трифоныч назвал цену. Директор потянулся к стоящему сбоку компьютеру, стал перебирать клавиши. Его пухлые пальцы бегали уверенно, будто Михаил Филимонович всю жизнь занимался этим.

Бусыгин наблюдал за ним со смешанным чувством. Филимоныч запросто управляет с этой непонятной техникой, а он не знает, с какого боку к ней подойти. "Зачем она мне? — попробовал успокоить себя Бусыгин. — Считать, сколько саней навоза на огород вывезу?.." Но все равно отчего-то было досадно. Будто оказался молодой в городском Доме культуры среди расфуфыренных девчат и парней при галстуках, а сам приперся в сапогах и с гармошкой.

— Ничего не выйдет, — сказал наконец, директор, отыскав что-то в компьютере. Он зорко смотрел на экран. — На оптовом складе аргентинская говядина в два раза дешевле. Первая же ревизия из меня душу вытрясет.

— Филимоныч, я не заламываю цену, не думай! Я посчитал, во что мне обошлась корова. Сам знаешь, сена накопить и привезти, а это бензин, приплюсуй уход, комбикорм... Дешевле никак!

— Да верю я тебе, верю!.. — замахал на него руками директор. — Ревизоры разбираться не будут. Напишут, государственные деньги не берегу. Или, дескать, за взятку.

Бусыгин замер, задержал на директоре взгляд. Намек, что ли? Может, в самом деле дать?.. Тушу, конечно, можно продать по частям, но хорошо бы сразу.хлопот меньше. Да и тепло становится на дворе, мясо может завонять.

— Ты чего на меня так смотришь? — засмеялся Михаил Филимонович. — Что подумал?.. В самом деле, не могу, Трифоныч, не обижайся. Аргентинское дешевле. Ты не переживай, наши деревенские раскупят у тебя за день. Ножки Буша всем уже поперек горла, нормального мяса люди хотят.

Трифоныч поднялся, отчужденно сказал:

— Ладно. Извините за беспокойство.

На компьютер у директорского стола он посмотрел, как на личного врага.

VI

Заколебали алкаши!..

Наталя отошла от плиты и резким движением отбросила тюль на окне. Скоро Генка придет из школы, а у нее суп еще не готов.

Так и есть, господин Кашпировский собственной персоной! С большим достоинством, словно не деревенский пьянчуга, а высокогородный испанский гранд, стоит у окна и постукивает в раму.

Наталя привычно поднялась на стул, выглянула в форточку.

— Чего?

— Понимаешь, Михайловна, я здесь сети потряс, — хорошо поставленным баритоном, по-актерски начал Кашпировский. — И первая мысль, разумеется, о тебе! Надо, думаю, Михайловну угостить. Щука сейчас идет весенняя, икра, полезные витамины и прочие ферменты из нее так и прут, так и колобродят!..

— Больше одной бутылки не дам, — оборвала поток красноречия Наталя. Из форточки остро тянуло, она запахнула на груди халат. — Сколько у тебя в пакете?

Кашпировский оскорбился, но в меру — так, чтобы Наталя не приняла это за несогласие.

— Михайловна, здесь минимум на три бутылки!.. — Он поднял вверх раздутый целлофановый пакет с полустершимся рисунком. И сразу же добавил: — Но для тебя уступаю за одну, так тому и быть. Слаб, понимаешь, не могу отказать красивой женщине!..

Наталя пошла в неотопливаемую комнату, служившую складом, взяла из картонного ящика бутылку водки. Кашпировский еще ладно, можно хоть послушать его болтовню. А другие ломаются среди ночи, пьяные, наглые, и все хотят в долг. Не дашь — ты для них враг.

Сколько она уже повторяла Олегу, от спиртного надо отказываться! Пусть будет обычный ассортимент. Вагончик Змановских уже сожгли — все из-за водки. Олежке весело: конкурентов убрали. Их тоже могут убрать! У Змановских хоть вагончик, а у них все в доме. В случае чего — где прикажете жить?..

Если бы она еще пользу от этой торговли видела. А то неизвестно куда все уходит. Устала она от такой жизни, от Олежкиных авантур. Может, в самом деле уехать?.. Пусть решает, что для него важнее, семья или его дурацкий бизнес, от которого одни проблемы.

— Премного благодарен, — расшаркался Кашпировский. — Прикажете еще принести?

— Куда мне много! Я, по-твоему, продавать беру? Для семьи!

Вышло как-то сварливо, почти что скандально, Наталья это сама почувствовала. Вообще последнее время она какая-то заведенная. С такой жизнью станешь заведенной!..

Не успел пообедать вернувшийся из школы Генка, как появился свекор. Наталья про себя удивилась — заходили они друг к другу редко. Все, что нужно, говорили или передавали на работе.

— Как живете-можете?.. Смотрю, у Генки новая игрушка, тамагучи какая-то. — Свекор снял в коридоре унты. В шерстяных носках прошел на кухню.

— Не тамагучи, а томагочи! — с готовностью отозвался Генка, бросив ложку в суп. — Ты хоть запоминай, как правильно!..

Свекор хмыкнул:

— А то не проживу, если не запомню... Ты шустрее ешь. Мне с мамой поговорить надо. — Он старался, чтобы слова звучали легко, весело, но Наталья почувствовала, что свекор чем-то раздосадован.

— Есть будете?

— Что-то неохота. — Свекор опустил на стул, принялся молча постукивать пальцами по столешнице.

— Давай быстро, — заторопила Наталья сына. — Полчаса сидишь, мухи уже на коньках по твоему супу катаются.

Генка захихикал, но суп доел быстро.

— Слышал, ты уезжать собираешься? — сказал свекор, когда сын ушел в комнату и включил там телевизор. Его мохнатые брови шевельнулись. — Правда, что ли?

Наталья удивилась:

— С чего вы взяли? Кто сказал?

Ну, бабы, уже сообщили!.. Только раз и вырвалось у нее на звеноферме, что родители зовут к себе в Приморье. Отец устроился в какую-то китайскую фирму, получает неплохо, найдется работа и для нее. О том, что живут они с Олегом неважно, родители знали.

— Сказали... В самом деле, что ли?

Наталья помолчала.

— Не знаю... Сами видите, жизни не получается. Я уже и так на многое глаза закрываю...

— Мне твои мать с отцом нравятся. Хозяйственные, — перевел разговор на другое свекор. Понять можно, кому хочется слышать о собственном сыне плохое. Хотя они тоже не очень между собой ладят. — Мать у тебя шустрая, за полчаса ведро клюквы набирала. Наши деревенские удивлялись. Всю жизнь в лесу прожили, а какая-то приезжая их обставляет...

В прошлом году родители гостили в Рябинках. Мать, действительно, не вылазила из леса. Отец, как всегда, при ней. Клюква с брусникой, которые они за неделю собрали, окупили им обратную дорогу. Еще с собой увезли.

Волнистые попугайчики, подумала о родителях Наталья. Такие же дружные, все время вместе. Раньше она считала, что так в каждой семье. Нет, оказывается...

— Ты, Наташа, не удивляйся, что я скажу. Сначала подумай. Раз уж так у вас с Олегом получается... — Тесть запнулся. — В общем, переходи ко мне жить. Ты женщина серьезная, мне подходишь. Олег не ценит, я — ценю. А что немолодой, так это еще как сказать. От другого и в тридцать лет никакого толку.

Наталья не сразу поняла смысл сказанных тестем слов — настолько все было неожиданно и дико. Павел Трифонович между тем продолжал, почему-то все больше ожесточаясь:

— Олег что, настоящий отец? Подарками балует, а дома почти не живет. У Генки скоро такой возраст, что нужна мужская рука. Где она? Какая тебе помощь?.. Если боишься, что по хозяйству надо работать, то загружать не буду. Мы с Андрюхой сами справимся, делать тебе ничего не надо.

Наталья неловко засмеялась.

— Предложение делаете?..

Сказанное тестем никак не укладывалось в голове.

— Да хоть так. Захочешь — распишемся, все как положено! С Татьяной разведусь, пусть живет в городе у своей дочери. Все равно... — Свекор спохватился, сбавил тон. — Я тебя не тороплю. Понимаю — так вот сразу... Ты подумай хорошо. Я серьезно.

Не глядя на Наталью, он вышел в коридор, стал одеваться. Через минуту за ним хлопнула дверь.

Наталья постояла посреди кухни. Потом медленно прошла в комнату, обняла Генку и прижала к себе его голову. Из глаз потекли слезы.

Было горько и очень обидно.

VII

Едва не свалив с ног вихрями из-под винта, вертолет ушел вверх и в сторону. На несколько секунд Олег и охранник застыли на месте, повернувшись спинами к вертолетной площадке и вцепившись в шапки на головах.

Поднятый лопастями снег быстро оседал. После грохота в салоне вертолета тишина на земле казалась неестественной.

— Определяемся конкретно. — Олег смотрел вслед торопливо удаляющемуся от площадки Валентину Степановичу. — Отсюда я никуда не убегу, так что браслеты свои спрячь, Илюха. Деревня, сам понимаешь, неправильно поймут... — И вдруг горячо, вполголоса забормотал, наклонив вниз голову: — Ты покупатель, приехал смотреть пиломатериал! Обещаешь быстро расплатиться. Выручай!..

Со стороны села приближались два молодых мужика. Они хмуро смотрели в их сторону. Олег бодро направился им навстречу.

— Все нормально! Пятьдесят кубов обрезной доски пристроил. Вот со мной представитель фирмы, хочет посмотреть качество. — Олег повернулся к охраннику. — Илья Эдуардович, сразу пойдем на пилораму или сначала перекусим?.. Предлагаю сначала перекусить.

Мужики смотрели то на охранника, то на Олега и уходить не спешили. Настороженность и обида читались на их лицах.

— Каждый раз к вертолету выходим, — заговорил один из них, сурового вида крепыш в тельняшке, видневшейся в вороте куртки. — Ты когда еще обещал деньги привезти?.. Полгода без зарплаты. Мы даром на тебя пахать должны?!

— Мужики, все будет путем! Какие вам еще доказательства? Сегодня Илья Эдуардович посмотрит, через пару дней деньги на счет придут, рассчитаюсь!

Встретившие потоптались.

— Хлеба не на что купить.

— Здоровьем клянусь!

— Смотри, Олежка, допрыгаешься.

— Ну вы, ей-богу! Я же сказал!.. Илья Эдуардович, пойдемте, мой дом здесь недалеко.

Когда молодые мужики свернули в переулок, охранник поинтересовался:

— У тебя своя пилорама?.. Нехило!

— По дешевке купил, когда рыбоучасток развалился. Проблема в другом — пиломатериалы некуда девать. Как же он мне нагадил! Как нагадил!..

— Кто?

— Сорокин! Ну, Валентин Степанович, глава наш!.. Пенсионерам дома надо ремонтировать, так он лучше стройматериал из города завезет, а у меня не купит. Везде облом!..

— Зимник содержать не дал, пиломатериалы не берет... Чего он так к тебе?

Олег ответил не сразу.

— Длинная история... Обидчивый очень.

Прошли еще несколько метров. Охранник хмыкнул:

— Почему ты решил, что я — Эдуардович? Я Иванович.

— Эдуардович солидней. Больше доверия.

Дома Олег развил бурную деятельность. Пока Илья ходил по комнатам, придирчиво заглядывал в подпол и на чердак, проверял, надежно ли закрыты окна (работа!), Олег позвонил по телефону и заказал привезти две бочки воды. Второй звонок был Кашпировскому (кличка, насторожился Илья), тот должен был прийти и затопить баню.

Олег сновал по дому. Счастливый Генка хвостиком следовал за ним. На кухонном столе стремительно росло количество банок с венгерским лечо, томатами и огурцами, из большой холодильной камеры появились копченые куриные окорочка, сыр, шпиг, колбаса салями.

— У тебя, как в оптовом складе.

— Почти угадал, — польщенно отозвался Олег. — Торгую понемногу. Наличка нужна. Мы сейчас по-быстрому, по-холостяцки. Жена на работе, у них на звероферме гон. Расстреляй ее, раньше шести не придет, стахановка!.. Садись, что ли.

Пить охранник категорически отказался. Олег понимающе кивнул — служба. Налил себе стаканчик и легко, с удовольствием выпил. Илья повел головой, то ли осуждая, то ли с восхищением. Мужика со всех сторон обложили, берут за горло, а ему хоть бы что!..

Второй стаканчик Олегу выпить не дали. Раздался стук в дверь и появился, видимо, тот самый Кашпировский — с недельной щетиной, но большого достоинства человек в затерханной болоньевой куртке.

— Давай ключи от бани. — На стол Кашпировский старался не смотреть, до предела отвернув голову в сторону. Но глаза сами собой косили на снедь и бутылки.

Олег принес ключи, сметливо взглянул на Кашпировского.

— Без комментариев!.. Налью, но только одну. Ты и так, вижу, веселый, а мы попариться еще хотим.

Он достал из буфета граненый стакан, налил до половины. Кашпировский, стоя у двери, принял стакан обветренной красной пятерней и прочувственно сказал:

— За что я тебя, Палыч, уважаю, так это за гуманизм!

— Между прочим, он чугунную сковородку минуту на груди держать может. — Олег, не обращая внимания на слова Кашпировского, живо повернулся к Илье. — Висит, как приклеенная! И пять вилок.

— Шесть, — выпив, поправил Кашпировский.

— И где, думаешь, заряжается?.. На кладбище!

— Астрал там мощный, — солидно подтвердил Кашпировский. — Наблюдается прямая связь с космическими силами.

— Не веришь? — Олег пытливо смотрел на охранника. — Сейчас мы тебе докажем, что рябинковские мужики не пальцем деланные! Генка, тащи сковородку!..

Кашпировский по-актерски выставил вперед ладонь.

— Не будем опошлять действо суетой. Насколько я понимаю, товарищ примет участие в банных процедурах. Отложим до этого сладостного часа!.. — Он значительно кашлянул, покосился на бутылку. — А тебе, Палыч, хочу сообщить любопытную новость. Сегодня утром, проверяя сети в протоке у Белой горы, я заметил твоего дядю. Сергей Иннокентьевич собственной персоной катались на лыжах. Я хотел было подойти поздороваться, но охрана, эти церберы, этот позор демократии, не допустили.

— Не понял! — Олег стремительно подался вперед. — Сергей Иннокентьевич — у нас? В Сиротском Приюте?..

— Если, конечно, я не ошибаюсь. Что вряд ли. Твой дядя самолично осваивал технику горнолыжного спуска. — Кашпировский заговорил голосом Ельцина: — Мода, понимаешь, сейчас такая. Вчера, понимаешь, был теннис, сегодня, понимаешь, горные лыжи...

Несколько мгновений Олег сидел неподвижно, потом хлопнул себя по коленке и решительно поднялся.

— Едем!

— Ты не наглей, — насторожился Илья. — Знаешь, какие на счет тебя я инструкции получил?

Олег бросил взгляд на Кашпировского и стал поспешно толкать его к двери.

— Займись баней, воду уже привезли!.. — Генку без слов выводил в комнату с телевизором и шепотом закричал охраннику: — Такой шанс раз в сто лет бывает! Дядя, долларовый миллионер, отдохнуть приехал в родные места! У него перехвачу, сразу со всеми рассчитаюсь! С банком — тоже!.. Ты премию получишь и повышение по службе! Начальником будешь!..

Илья на всякий случай смотрел на него снисходительно-иронично.

— Мне и на своей должности хорошо.

Он сомневался. Нужно было все взвесить. Договориться с Кашпировским Олег не мог, это понятно — все время находится рядом, никуда не отлучался. Значит, с дядей так оно и есть. Может, в самом деле дать шанс?.. Подопечный ему достался шептун и с закидонами, но на подлянку, похоже, не способный.

Кстати, в банке действительно могут оценить его инициативу. В первом же самостоятельном деле не ударил в грязь лицом, принял перспективное решение...

— Это далеко?

— Сиротский Приют? Полчаса на "Буране"!

— Хрен с тобой. — Илья сунул руку под мышку, достал пистолет. Несколько раз, будто проверяя, щелкнул предохранителем, потом опять спрятал. Пусть видит. — Заводи свой "Буран"!

VIII

Трифоныч был недоволен собой. Какого черта после директора сразу сунулся к Наталье?.. Надо было подождать. Неудача одна не ходит, она пару любит. Похоже, перепугал сноху. Теперь она не то что к нему жить не пойдет, обходить станет за километр. Или еще лучше: Олежке расскажет. У молодых ведь как, сегодня ругаются, а переспали — все у них по-хорошему.

Работник ел сало с хлебом, запивал чаем и, задрав вверх лицо, смотрел телевизор. Это его идея, пристроить телевизор под самый потолок, где у людей когда-то иконы висели. Говорит, так в кино у американцев в барах, чтобы всем было видно. Американец...

— Андрюха, ружье после охоты чистил?

— Кажись да. А что?

Трифоныч едва сдержал злость. "Кажись"!.. Надо не "кажись", а точно — пришел, почистил, чтобы наготове было!.. Ругаться на Андрюху нельзя, психованный. Говорит, в Чечне контузило, когда служил контрактником. Чуть что — срывается с места и с матом и с криками убегает из дома. Через день-два, правда, возвращается, кому он в деревне нужен. Но без него с хозяйством трудно приходится.

— Комолую больше не корми. Завтра убирать буду.

— Застрелишь?

— Не глотку же резать... Я сейчас на звероферму, а ты целлофан найди, на котором скотину разделываем. Помой.

— Жаль... Ласковая корова.

Бусыгин остро взглянул на работника. Неужели то, что ему

как-то показалось, правда? Он зашел тогда в стайку неожиданно, и Андрюха как ошпаренный отскочил от коровы, отвернулся, стал быстро заправляться...

Бусыгин отвел глаза. Его дело. Хотя мог бы бабу завести, в Рябинках их хватает. Хозяйственных мало, но для этого дела хозяйственность не нужна. Мог бы ту же Марго, охотку сбить. Говорят, никому не отказывает.

— Ласковая... Корм зря переводит!

В телевизоре изнывала от любви певица. Она протягивала руки вперед, ее растопыренные пальцы дрожали, а на лице было столько страдания, будто у девки в одночасье умерли все родственники. Голос у нее был ничего, приятный, но в нем прорывались особые звуки. Так — утробно, призывно — мяучат кошки, когда хотят кота. Вдруг из-за спины певицы выскочили два парня в блестящих облегающих брюках и в распахнутых до пупков рубашках. Подхватили страдалицу с обеих сторон под мышки и подняли в воздух. Она, мученически откинув голову, секунду висела крестом, потом парни осторожно опустили ее на пол и принялись петухами похаживать вокруг. Певица перестала петь и под музыку бросалась то к одному на голую грудь, то к другому. Наверно, не могла никак выбрать...

Смех смехом, а ведь и в жизни так, подумал Трифоныч. Люди считают, что сами влюбляются, сами находят себе пару, а это природа или, кто его знает, Бог из тебя самого, изнутри подает знак — мол, пора, надо оставить детей, продлить род. Не на тебе он начался, не на тебе должен закончиться. Порядок такой. Обязанность.

Зачем это природе или Богу — неизвестно. Не только с людьми, а вообще со всем, что живет: деревьями, животными, травой. Эта главная, всем управляющая сила хитрая, может быть, подлая. Заманивает любовью, приятным, человек сначала не понимает, для чего любовь. Думает, такой подарок в жизни. Держи карман шире!..

Перехитрить Бога надо — вот главное. Он рассчитывает, что тебя на крючок поймал, ему все равно, что из твоей любви выйдет. Но для чего-то голову дает — так думай!.. Мало того, что самому обидно, так, может, еще отвечать придется, почему на тебе прервалась линия работающих мужиков — ведь кто его знает, как оно там, после смерти, бывает. Не перед Богом отвечать — тому все равно, иначе не позволял бы многого, что в жизни. А вот что скажешь отцу, деду, его родителю, если встретить придется? Те-то, видно, думали об этом, делали так, чтобы правильно все было.

Жаль, понимаешь это поздно. В молодости бы знать, не на красивое лицо и толстую задницу смотрел бы, эти Божьи приманки! Или еще не поздно? Надо пробовать?..

Поев, Андрюха стал наводить марафет. Достал ботинки и принялся начищать кремом из импортной баночки. Видно, вечером собирается куда-то идти, отметил Трифоныч. Чего у Андрюхи не отнимешь, так это аккуратность в одежде. Любит выглядеть на людях прилично. Пусть даже всего людей-то — его приятели, рябинковские алкаши вроде Кашпировского.

Трифоныч уже хотел было сделать замечание — кто чистит ботинки на кухне, сейчас вонь пойдет! — но подумал, что нынешние обувные кремы не воняют. Наоборот, чем-то приятным пахнут. Это не гуталин, которым он сам всю жизнь пользовался.

Трифоныч с новой досадой подумал, как много всего переменялось вокруг. Ладно бы только компьютер в кабинете у директора или это Генкино придурочное томагучи. Вроде незаметно, но ведь это все на его веку — и керосиновые лампы, и телевизоры с видеками. До космоса добрались, чего только сейчас там не летает!.. Знак для таких, как он? Другая жизнь пошла, а они, старое поколение, задержались в ней? Сейчас, дескать, все другое, зарабатывают не горбом, как раньше, а головой. По телевизору показывали, какой-то американец стал миллионером — придумал новую компьютерную игру. За игру — миллион! Добро бы за путное!..

— Хер вам! — сказал он и ударил левой рукой по сгибу правой.

— Ты чего, Трифоныч? — Андрюха смотрел на него веселыми глазами.

Бусыгин крикнул. Забыл, что работник рядом. Достали его сегодня.

— Насчет целлофана не забудь. Я пошел.

Но спокойно уйти не дали. У калитки он столкнулся с Нефедовой.

— Здравствуй еще раз, Паша, — сказала Валентина. — А я к тебе. Трифоныч покосился.

— Чего?

— Дак проведать. Ты ж теперь один, холостякуешь. Может, для чего пригожусь... — И Валентина подмигнула сразу обоими глазами, иначе у нее не получалось.

Бусыгин на секунду даже остановился. Бессовестная баба! И наглая. Ведь не поймет, чего ему на самом деле надо. Да и с какой стати с ней, с дурой, откровенничать?..

— Чем ты можешь пригодиться? — Закрывая за собой калитку, он опустил глаза, сделал вид, что не понимает. — Мы с Андрюхой сами управляемся. С готовкой и так, по хозяйству...

Валентина засмеялась, щечки в склеротических жилках собрались в тугие пунцовые яблочки.

— Дак женщина не только для работы нужна! — Она толкнула Бусыгина в бок локтем. — Ты как без Татьяны целый год обходишься-то? Говорят, она к дочери потому сбежала, что ты очень уж... ну, жеребец. А я еще ничего, у меня интерес к этому делу есть. Была бы помоложе, в город уехала, нашла бы себе клиентов. А чего? Сейчас рыночные отношения, что нравится, то делай. Проститутки хорошо зарабатывают и удовольствие получают, по телевизору рассказывали... Рано мы с тобой, Паша, родились, ох, рано! Нам бы чуток попозже!.. Ну так чего? Когда прийти, чтобы ты был дома?

Трифоныч искал глазами вокруг что-нибудь поувесистей. Но ничего подходящего не попадалось.

— Валентина, предупреждаю тебя, — сдавленным голосом заговорил он. — Еще раз подойдешь ко мне с такими разговорами, не обижайся! Забора не пожалею, а отхожу тебя колом! Постесняйся, дура старая! Чего несешь!..

Нефедова поджала губы.

— Не подхожу, значит. В голодуху подходила, теперь нет. Кто побираться приходил на конюшню? Тогда дурой не обзывал, что говорила, все-е делал!..

Бусыгин в сердцах махнул рукой, повернулся и зашагал на звероферму. Не драться же с бабой в самом деле!

Оказывается, все помнит. Последние слова больно задели. И вообще, когда вспоминаешь об унижениях, всегда больно.

СВАТОВСТВО

Из Сургута на АН-2 прилетели в Ларьяк, оттуда "по веревочке" вместе с почтой добрались до Рябинок. Лоцман Коровкин, весь сплавсезон не бравший капли в рот, теперь не просыхал. Павел уже начинал беспокоиться. Как-никак, ехали свататься, а если сват заявится к Татьянинному отцу пьяный, какое к ним будет отношение?..

Коровкин время от времени садился в санях, дикими глазами озирался по сторонам. Его тонкий хрящеватый нос со светлой, натянутой на горбинке кожей словно приплюхивался. Дорога шла по Ваху, повторяя все петли реки, с обоих боков тянулась однообразная тайга. Наткнувшись взглядом на Павла, Коровкин спрашивал:

— Едем?

Получив утвердительный ответ, доставал из кармана бутылку водки, делал несколько глотков и опять заваливался между рогожными мешками с газетами и письмами.

— Дядь Вань, замерзнешь, — толкал его Павел. Ему самому в санях не сиделось, чем меньше оставалось до Рябинок, тем больше он волновался. Последние несколько километров перед деревней он шел за санями, то и дело закуривая и ломая спички.

— Ни хрена мне не будет, — бормотал в ответ Коровкин. — Нагреби сена на ноги.

Иногда он, раскинувшись на мешках с почтой, принимался рассуждать:

— Ты вот мне скажи по-свойски, чем тебе моя Тамарка не пара? Ну скажи!.. Здесь и здесь — все при ней. Или какая-нито ее подруга, а?.. Какого мы хрена премся в эти твои Ромашки?..

— Рябинки.

— Пожалуйста, пусть будут Рябинки!.. Девки, скажу тебе, все одинаковые. Бабы — разные. Как воспитаешь, такой будет. Я тебя за то уважаю, что доказать свое хочешь. Она тебе до армии от ворот поворот, а ты все равно на своем!.. С ребенком берешь. Кто, пацан или пацанка?

— Не знаю. — Павел косился на возницу. Тот, похоже, прислушивался к их разговору. Хотя мужик и не рябинковский, но лишние уши все равно были ни к чему.

— Во, не знаешь! — легко переходил от одобрения к осуждению пьяный Коровкин. — И почему от мужа ушла, не знаешь!.. Может, твоя краля черт в юбке, а ты ее за себя берешь... Ладно, ты зеленый, хотя в армии был ефрейтором. Я-то, старый хер, чего в это дело впутался? Какого хрена мне надо? За тыщу верст киселя хлебать!.. С другой стороны, ты сирота. Это понимать надо. Кто поможет, как не Иван Иванович Коровкин, фронтовик и тоже сирота? Доля наша горькая, сиротская!..

Но все это происходило, пока ехали. В Рябинках Коровкин преобразился. Проспался и о водке напрочь забыл. Чисто выбрился, надушился тройным одеколоном и ходил по избе, нетерпеливо потирая руки.

Вечером они пошли в клуб — оба в добротных драповых пальто с серыми барашковыми воротами и в пыжиковых шапках. Коровкин быстро завязал знакомство с мужиками, пришедшими посмотреть новый фильм. Распахнув полы пальто так, чтобы были видны медали и орден Красной Звезды, он сел между ними на лавку и принялся угощать "Казбеком".

Павел вышел в темный тамбур. В ожидании фильма, а за ним и танцев парни курили, сплевывали на пол и травили анекдоты. На несколько секунд освещая тамбур светом висящей над клубным крыльцом лампочки, открывалась дверь и с улицы появлялись раскрасневшиеся девчата в плюшевых жакетах и в пуховых плат-

ках. По одной они входить остерегались, заваливались целой оравой, но это им все равно не помогло. Стоило входной двери отсечь свет, как парни бросались их лапаты. Отбиваясь и визжа, девчата старались поскорее проскочить в зрительный зал.

Гришки Алябьева, сына безногого фронтовика Алябьева, в доме которого Павел и Коровкин остановились, все еще не было. Павел это определил, как только открылась дверь на улицу. Наверно, все еще чинил трактор. С Гришкой Павел начал переписываться, когда служил в армии. Это Гришка в последнем письме сообщил ему, что Татьяна развелась со своим милиционером и вернулась к родителям.

За время, которое Павел не был в Рябинках, молодежь подросла, и он почти никого не узнавал. Павел толкнул дверь, вышел на крыльцо и тоже закурил. Из темноты появлялись люди, обметали веником валенки, поглядывали на богато одетого парня. У Павла каждый раз екало сердце, когда ему казалось, что к крыльцу идет Татьяна.

— Здорово, — раздалось откуда-то сбоку и снизу.

Павел обернулся. Перед ним стоял пацан лет десяти и солидно, как взрослый, протягивал руку в варежке.

— Здорово, коль не шутишь. — Усмехаясь, Павел пожал детскую ладошку.

— Я тебя знаю, — сказал пацан. — Ты на нашей Таньке жениться хотел. Я тогда еще в школу не ходил.

Павел помолчал. Потом, стараясь, чтобы его голос звучал все так же уверенно-покровительственно, спросил:

— Сестра кино придет смотреть?

— Не-а, дома будет сидеть. Малую нянчить. Батя говорит, сама родила, сама расти, на нас с матерью не надейся. Батя хочет, чтобы Танька к мужу вернулась.

В горле у Павла запершило, он несколько раз с натугой кашлянул. И чтобы хоть что-то сказать словоохотливому пацану, спросил:

— Тебя как зовут?

— Серега, — ответил пацан. И похвастал: — Я председатель совета отряда, ага! Наш класс на Октябрьские в пионеры приняли. Я их всех заставляю учиться на четыре и пять, как пионеры должны. Смотри! — Он расстегнул ворот пальто и показал красный галстук.

После улицы особенно чувствовалось, как сильно накурено в клубе. Вот-вот должен был начаться фильм. Киномеханик, молодой паренек, за спинами зрителей в конце зала уже настраивал киноплёнку, стараясь поместить ослепительно белый прямоуголь-

ник света в границы простыни над сценой, служившей экраном. С задних рядов, где сидела молодежь, то и дело раздавались взрывы хохота. Все лузгали семечки и не таясь бросали шелуху под лавки.

— Дядь Вань! — позвал Павел и поманил к себе Коровкина.

Тот с явным сожалением оторвался от разговора с мужиками, стал пробираться между лавками, задевая спины и колени сидящих.

— Ну?

— Пойдем к ним домой. Она в клуб не придет.

— Я тебе сразу так предлагал! — с готовностью подхватил лощман. — Чего дипломатию разводить? Ну, не поговоришь ты с ней загодя, так она свое мнение все равно скажет. Здесь главное не хезать, как на фронте говорили!..

Павел знал за собой слабость: в самые ответственные моменты его могло охватить оцепенение. Он продолжал двигаться, все слышал и все понимал, но ощущение было такое, будто это происходит не с ним. В голове тонко звенело, руки и ноги становились, как деревянные. Чтобы сказать в такой момент слово, требовалось огромное усилие.

Что-то вроде того он почувствовал и сейчас. Они шли по темной улице. Коровкин о чем-то толковал, а Павел все не мог справиться с собой, прорвать этот глухой кокон с прозрачными стенками, в котором вдруг оказался.

— Здесь, — сказал он непослушными губами и остановился.

Коровкин приблизил к нему лицо.

— Эге, как тебя проняло!.. Не ты первый женишься, не ты последний, парень. Дыши ровнее!.. Этот дом, говоришь? Собак небось целый двор. — И он принялся колотить в высокие ворота с двухскатным козырьком вверху. — Все будет нормально, не хезай. Гарантирую!

Стучать пришлось долго. Уже лаяли собаки не только во дворе, но и все окрестные, когда отворилась дверь и женский голос крикнул:

— Кто там еще?

— Покупатели, хозяйка! Прогони собак.

— Какие еще покупатели?

— Увидишь!

Татьянина мать прикрикнула на псов, те замолчали. Коровкин и Павел ступили во двор и через минуту уже были в жарко натопленном пятистенке. За столом под розовым абажуром с кистями сидел Татьянин отец и набивал тускло светящиеся латунные гильзы. На вошедших он взглянул с любопытством.

— Добрый вам вечер, хозяйева! — разбитным голосом заговорил Коровкин, проходя к столу и доставая из кармана пальто бутылку

"Московской" с залитым сургучом горлышком. — У вас товар, как говорится, а у нас соответственно купец-молодец!.. Вы уж извините, что заявились не предупредивши. Но уж больно издалека ехали, из самого Сургут-города!..

Татьянин отец хмыкнул, повел головой. Не отрываясь от своего занятия, сказал:

— Ты, что ли, Пашка, купец? — Ни раздеваться, ни садиться он не приглашал.

— Кому Пашка, а кому Павел Трифонович, передовой плотгон и уважаемый член коллектива, — встрял Коровкин. — Вот вы, к примеру, сколько зарабатываете? А он за сплавсезон на избу себе собрал и еще на хороший мотор осталось! Теперь, говорит, могу с полным правом в родную деревню вернуться и семейной жизнью зажить!..

Татьянин отец опять хмыкнул и сказал в сторону перегородки:

— Товар, пойдя сюда. За тобой пришли.

Долго никто не появлялся. Татьяна отец уже раза два поворачивал к гостям лицо и, по-прежнему не предлагая садиться, иронично кивал на перегородку: такая, дескать, у меня послушная дочь. Наконец показалась надменно выпрямленная фигура в байковом халате.

За время, которое Павел не видел Татьяну, она заметно изменилась. Сделалась статной, по-женски округлой и еще красивее. Павел с трудом сглотнул и опять почувствовал, как его охватывает оцепенение. Татьяна гневно смотрела на них с Коровкиным.

— Где только у людей гордость!.. Павел, я сказала, замуж за тебя не пойду, хоть ты все деньги Советского Союза заработай!.. — Она кинулась к столу, схватила бутылку "Московской" и ткнула Павлу в руки. — Иди и не приходи сюда больше! Заруби это себе на носу!..

Павел по-дурацки стоял посреди комнаты с бутылкой в руках. Наконец сумел выдать из себя:

— Пошли.

— Хозяин, как же так! — поспешно заговорил лоцман, склонив голову к плечу и разводя руками. Он изображал недоумение, хотя и в самом деле не был готов к такому повороту. — Ты отец, твое слово последнее. Дочка стесняется, понять можно, сразу бросаться на шею ей не положено. Так ты объясни ей, что такие женихи на земле не валяются. Серьезный, зарабатывает хорошо, собою симпатичный!.. Опять же она не девушка, чтобы особо кочевряжиться. С приданым, можно сказать, берем, с дитем...

Татьянин отец поднялся из-за стола.

— Чего?.. — Последние слова Коровкина ему очень не понравились. — Верно Пашка говорит, иди, пока я вас не проводил. Таких женихов у нас как грязи!..

За воротами их поджидал Гришка Алябьев.

— Когда свадьба? — кинулся он навстречу и азартно толкнул Павла в плечо. — Я прихожу в клуб, а мне говорят, они ушли. Ну, я сразу смекнул, куда!..

Рассмотрев, что вид у Павла потерянный, а в руках нелепо застыла бутылка, он все понял.

— Давай окна побьем! Гордые очень, на хромой козе не подъедешь! Передовые охотники, маяки коммунизма!..

— Полагалось бы, — согласился Коровкин.

Павел молчал.

IX

— Мужики, поморозимся...

— Лежать!

— Вы чего, в натуре? Сергей Иннокентьевич мне дядя!..

— Лежать, сказано!

Олег повернул запыленное снегом лицо к Илье.

— Вот садюги. За киллеров, что ли, принимают?.. Ты как?

— Нормально. — Илья хотел было потрогать разбитую скулу, но один из стоявших над ними мужиков с короткоствольным "узи" опять рывкнул:

— Руки!..

Илье досталось. Наверно, из-за пистолета, который эти суровые мужики нашли у него. Выскочив неизвестно откуда на черных "Ямахах", они перехватили снегоход с Олегом и Ильей еще метров за триста до Сиротского Приюта. Заставили сойти, обыскали, отобрали документы...

Теперь лежи мордой в снег, жди, когда разберутся.

Хорошо же дядюшка встречает родственника!

У монументального частокола Сиротского Приюта на увале загудел мотор. Через несколько минут Олега и Илью уже рассматривал молодой человек с цепкими глазами. Начальник службы безопасности, решил Олег. Дело, судя по всему, было поставлено четко.

— Ты — сюда, ты — на мою "Ямаху", — распорядился моложавый. — Предупреждаю, вести себя спокойно.

Олег нервно засмеялся.

— Нет, мы сейчас брейк начнем танцевать!.. У меня дело к Сергею Иннокентьевичу, я его племянник. Ответите!

— Какой Сергей Иннокентьевич? Почему вы решили, что он здесь? — удивленно вскинул брови главный эсбэшник.

Олег решил его уесть. Лежать на снегу было мало того, что уни- зительно, так еще и холодно.

— Прокололась твоя служба! Утечка информации!.. Так Сергею Иннокентьевичу и доложу.

Он ничем не рисковал. Дядя, Олег чувствовал, здесь — значит, ничего им не сделают.

О Сиротском Приюте в Рябинках ходили самые фантастиче- ские слухи. Еще в советское время областное начальство на одной их кедровых грив неподалеку от села построило что-то вроде элит- ного пансионата. Здесь шла своя жизнь, о которой можно было только догадываться, — даже обслугу сюда завозили из города на вертолетах.

В перестроечные годы жизнь в Сиротском Приюте на какое-то время замерла. Поговаривали, что его хотят отдать под пионер- ский лагерь. Даже статья в районной газете была "Зажравшихся партократов — поганой метлой!" Однако надежды не оправдались. Вскоре вместо солидных обкомовцев с брюшками здесь обосно- вался другой народ — молодой, с какими-то голодными лицами и быстроглазый. Охота на медведей и стерляжья рыбалка теперь уст- раивалась для них.

— Вставай. Вперед.

Олег огрызнулся:

— Ты меня еще автоматом ударь!

С подчеркнутой неторопливостью он слез со снегохода, огля- делся. За высоким частоколом из ошкуренных сосен находилось несколько основательных, нарочито неброского вида строений, тоже бревенчатых. Обширный двор был тщательно расчищен от снега. Вверху на частоколе виднелись камеры слежения. Если бы не они, можно было бы подумать, что попал на богатую заимку, какой ее показывают в кино о дореволюционной Сибири.

— Двигай.

— В советах не нуждаюсь.

— Давай, давай!

Олега завели в ближнее помещение. Куда исчез Илья, он не заметил. Эсбэшник полистал отобранный паспорт, несколько раз остро взглянул на Олега, потом на фотографию, сличая.

— Какой у вас вопрос к Сергею Иннокентьевичу? — переходя на официальный тон, спросил он.

— Это семейное дело.

Эсбэшник помолчал.

— Сергей Иннокентьевич очень занят. Прошу конкретнее.

— Ты, служивый, доложи обо мне, — глумливо растягивая слова, заговорил Олег. — А уж дальше не твои проблемы, дорогой!

Эсбэшник смерил его взглядом, но ничего не сказал. Легко поднялся и вышел. Олег тоже встал со стула и прошелся по тесному помещению.

Типа караулки, подумал он, осматривая небогатую мебель. Почти в таком же помещении он провел не одни сутки, когда служил на Дальнем Востоке. Разве что вместо караульного топчана здесь диван.

Олег вдруг засомневался. А есть ли у дяди Сережи деньги на самом деле? Может, все это разговоры — насчет долларового миллионера?.. Люди завидуют, потому и говорят. В туалет, что ли, пойти? Уж он-то рейтинг точно покажет. Не в здешний, конечно, а когда в апартаменты попадет.

— Сел на место! — неизвестно откуда раздался голос.

Олег отыскал глазами камеру под потолком и показал средний палец. Фак ю! Наблюдают, гады!..

Ждать пришлось порядком. Олегу надоело ходить, он снял дубленку, выкурил пару сигарет. Эсбэшник будто сгинул. Олег толкнул дверь. Заперли!.. Как в тюрьме. Ну, дядюшка!

Сергей Иннокентьевич всегда вызывал у него двойственное чувство — восхищение и зависть. Первым в Рябинках он стал работать у нефтяников, когда открыли Самотлор. Даже орден за это получил. В школьном музее одно время был уголок, посвященный буровой бригаде дяди. Потом дядю Сережу за что-то посадили — то ли он был виноват в несчастном случае на работе, то ли еще что-то. Олег толком не знал. Лет пять он дядю не видел, но меньше завидовать не стал. Достаточно было посмотреть, как шестерили перед ним самые крутые деревенские ребята, когда после зоны дядя какое-то время жил в Рябинках. Потом он перебрался в город, стал одним из первых кооператоров. И чем лучше у него шли дела, тем реже он появлялся в Рябинках. Последние года три Олег его вообще не видел. Что за это время произошло — Бог знает...

— Сергей Иннокентьевич готов вас принять. У вас десять минут, — сказал, наконец-то появившись, эсбэшник.

Олег хотел было послать его — десять минут! — но не стал. Клерк, что от него зависит...

Дядя Сережа лежал в бассейне. Над мелко пузырящейся водой возвышалась одна голова. Небольшой бассейн был выложен каким-то дорогим камнем, вода от этого казалась бирюзовой, праздничной. Олег узнал дядю не сразу — в таком виде он никогда Сергея Иннокентьевича не видел.

— Проходи, садись. — Дядя медленно кивнул на кресло у бортика бассейна. — Прописали, понимаешь, нарзанные ванны. Надо бы в Кисловодск, но времени нет. На месте приходится.

— Нарзан специально привозят? — почтительно удивился Олег. Он не знал, как обращаться к дяде, на "ты", как делал раньше, или все-таки на "вы". — Прямо из Кисловодска?..

— Ну. Какой, правда, толк, не знаю. Тысячи километров, чего довозят — неизвестно. Деньги ладно, лишь бы на пользу. — Дядя говорил неторопливо, с паузами, как говорят люди, каждое слово которых ловят. — Вот снял на пару недель пансионат. Всю мелкоту выставил. Дома, говорят, стены помогают. Понравится, куплю. Не так далеко от города — и никто не мешает... Как там в Рябинках?

— Вроде, нормально.

— Думаю на днях побывать. Пару компьютеров хочу подарить школе. Пусть пацаны учатся... Валера, угости гостя, — все так же неторопливо, ровным голосом велел он парню в костюме с галстуком, неотступно находящемуся поблизости. И засмеялся: — Замерз, наверно, на "Буране"-то? А потом еще в снегу?.. Извини, без этого нельзя. Мои ребята службу знают туго.

Парень с бугрящимися под пиджаком мышцами распахнул вделанный в стенку и сразу ярко осветившийся зеркальный бар. Вскоре Олег держал в руке массивного хрусталя стакан со спиртным. Отхлебнул и сказал, демонстрируя осведомленность:

— Текила?

— Хрен знает. Я не пью. Что у тебя ко мне?

Вопрос прозвучал неожиданно, хотя, в общем-то, следовало быть к нему готовым.

— В гости хотел пригласить, — соврал Олег. Сразу просить денег не поворачивался язык. — Посмотрите, как живу. Я тоже бизнесом занимаюсь. Строительные материалы там, розничная торговля... Дело идет, перспективы нормальные. Думаю бизнес расширять.

Сергей Иннокентьевич повернулся на живот, заплескался в бассейне, и Олегу показалось, что его крупное, с твердым подбородком лицо ухмыляется. Олега пронзило: все знает! Илья раскололся — его наверняка допрашивали!.. Он неловко хохотнул.

— Ладно. Честно так честно... У меня проблемы. Хочу занять тысяч пятьсот. Не думайте, я верну, дядя Сережа! Клянусь!

— Вернешь, куда ты денешься. — Сергей Иннокентьевич продолжал плескаться, походя на могучего, с литым крепким телом сивуча. — Если, конечно, дам. Ты знаешь, что такое деньги? Большие деньги?

— Знаю.

— Ни хрена ты не знаешь! — Лицо у дяди вмиг побагровело. — Вы, шантрапа мелкая, думаете, деньги сами в руки прыгают! Из

земли растут!.. А это видел? — Сергей Иннокентьевич сорвал с головы волосы (так Олегу в первое мгновение показалось) и отшвырнул в сторону. Бледный череп был в синих страшных шрамах. Между шрамами, налезая на рубцы, виднелись жалкие островки полуседой растительности.

Не обращая внимания на мягко упавший в воду парик, дядя быстро наклонил голову, подставил ладонь. В нее выпало что-то круглое, похожее на голубиное яйцо. Когда он посмотрел на Олега, тот едва не отшатнулся. У дяди на месте правого глаза краснела дыра, сырое мясо.

— А это видел?.. Хочешь меняться? Я тебе свои деньги, а ты мне здоровье?.. Зассал?.. Это еще повезло, живой до сих пор. Пятьсот тысяч!.. А четыре покушения? А стрехнин в минералке? А баба со спидом в постели? Пятьсот тысяч...

Х

Кто не знал, мог подумать, что это орут кошки. Визгливые, словно от боли, крики слышны были еще на подходе к звероферме.

Мучаются, подумал Трифоныч. И опять остро удивился: что за сила такая, что лишает покоя, заставляет кричать, жаловаться, метаться в страдании по клетке? Жили лисы спокойно, ели корм, растили свой мех, а тут будто будильник какой в них сработал.

Звучит-то просто, инстинкт, но кто его во все живое вложил? А главное, для чего, для какой такой цели из поколения в поколение орут и мечутся эти существа?.. "Чтобы в декабре их приплод получил колотушкой по башке", — хмуро усмехнулся Трифоныч. Он чувствовал враждебность к бессмысленному инстинкту чернобурук. У всего должна быть цель, а здесь ее не было.

На двери вагончика, в котором переодевались перед работой звероводы, висел замок. Тоже бардак, отметил Бусыгин. Идет гон, раньше в такое время женщины дневали и ночевали на работе. Сейчас никому ничего не надо. Какой будет выход щенков — до лампочки. Еще не так давно лисьи шкурки возили в Омск на пушно-меховой холодильник. Трифоныч сам не раз сопровождал груз. Шкурок старались привезти побольше и сдать сортностью повыше. Зарплаты шли нормальные, к праздникам — премии.

Где теперь те зарплаты? Где премии? Где пушно-меховой холодильник?.. Лисьи шкурки сейчас не продашь, нет покупателей. Как звероферму до сих пор не закрыли, уму непостижимо.

— Трифоныч, здорово! — Из пристройки, где находился дежурный электрик, выглянула круглолицая Марго. Заулыбалась, показывая щербатый рот.

— Здравствуй, — неохотно ответил Бусыгин. И подумал, что Марго единственная из звероводов, кто сейчас на работе. И то, наверно, с электриком кувыркалась — вон какая довольная.

А может, специально показалась, чтобы он видел: она не на складе шарится, а здесь, в гостях. Трифоныч давно стал замечать, что в его отсутствие на складе кто-то бывает — подобрать ключ не проблема. Как бы между делом ронял в присутствии женщин: застанет кого — ноги ломает. И так ползверофермы растащили.

На смотровой вышке кто-то находился. Через большое, в частых переплетах окно виднелся неясный силуэт. Наталья, кто еще, решил Бусыгин. Ответственная женщина. Если бы даже была не зоотехником, а простым звероводом, все равно следила бы за гоном. Олежка придурок, не понимает — такую жену на руках носить надо.

У двери склада он внимательно огляделся. Нет, чужих следов вроде не видно. На всякий случай снял замок и заглянул за дверь. Приготовленный с утра мешок с куриными шейками был на месте. Свиньи их хорошо едят. Когда стемнеет, он перетащит его поближе к лазу в заборе. Мешок тяжелый, килограммов пятьдесят весит, но здесь Андрюха не помощник. Такие дела делаются в одиночку.

На кормокухне пахло подгнившей рыбой и отошедшими в тепле субпродуктами — всеми этими куриными шейками и лапами, коровьей требухой. Трифоныч не замечал, привык за годы работы. Он переобулся в резиновые, легко моющиеся сапоги, влез в заскорузлый, когда-то синий халат и включил мясорубку. Вилами принялся бросать рыбу и субпродукты в натужно взывающий механизм.

Отчего-то было беспокойно. Будто нужно было что-то срочно сделать, а он все тянет, откладывает. Смотровая вышка, подумал Трифоныч. Наталья. Лучшего случая не будет. Он с минуту еще работал, потом решительно прислонил вилы к стенке и принялся обратно переодеваться в чистое.

Сейчас все и решится.

МИТЯЕВСКИЕ ЛИШЕНЦЫ

— Пашк, а, Пашк?.. Вставай. — Мальчик увидел над собой взлохмаченную бороду. Слабый белесый свет, пробивающийся через окно, делал дедушкино лицо чужим, неясным. — Шустрее. Мокей ждет. Мошка, поди, его уже совсем заела...

По дому бесшумно двигались какие-то люди, и Пашка со сна не сразу понял, что это мать и отец.

— Колька где? — все тем же быстрым полусшепотом спросил дедушка Петр.

— С улицы не вернулся, — сиплым спросонья голосом ответила мать.

— Выдеру, ей-бо, выдеру! Рано гулять начал. Я когда еще говорил, сегодня жать пойдем!.. — Единственный среди домашних дед был сейчас разговорчив и подвижен. Он бодро сновал по избе, доставал что-то из углов и укладывал в мешок. — Натрись. — Дедушка ткнул в Пашкины руки остро пахнущую дегтем склянку. — Потом некогда будет... Ты сейчас пройди мимо комендатуры, глянь, чего у них. Мы здесь подождем...

Ударив в дверь плечом, Пашка вывалился во двор. После избы ночь показалась холодной. Запахнув длинную братову телогрейку, мальчик ступил за калитку. На востоке едва зеленело, деревенская улица, как ей и полагалось в такой час, была в оба конца пуста.

Быстро стряхивая остатки сна, Пашка осторожно двинулся к комендатуре — раньше, пацаны говорят, там жил купец Островерхов. На крыльце добротного дома никого не было видно, лишь в одном из окон слабо горела прикрученная керосиновая лампа.

— Спит Альчибаев! — сказал он через минуту, от холода стуча зубами. — У-у, знобко!..

— Жать начнем, дак согреешься. Рановато тебя в работу запрягать, да делать нечего. — Дедушка Петр оглянулся на мать с отцом. — Ну, с Богом!..

Опасливо поглядывая на комендатуру, они спустились под берег, прошли к тому месту, где река упиралась в кедровую гриву. У широкого темного каюка сидел и попыхивал трубкой хант Мокей.

— Курю, думаю, — сказал вместо приветствия Мокей. — Плохая у русских жизнь. Работай, работай, работай!

Дедушка с матерью забрались в каюк, взяли к себе Пашку. Отец и Мокей, поднатужась, сдвинули посудину с места и уже из воды запрыгнули на корму.

— Дак как же без работы-то, — словоохотливо отозвался дедушка. Он по-прежнему находился в приподнятом настроении, в котором нынче проснулся. — Все на ней держится. Давно померли бы, кабы не работа. Вот не поленились, овес посеяли, зимой с зерном будем. В колхозе дадут, не дадут — не известно, а нам и горя мало!.. С тобой, опять же, за лодку рассчитаюсь.

— Работа, работа... Я не работаю, а живой. Хант рыбу поймал, утку подстрелил — хорошо. А ты своих в соху запрягал, землю ковырял. Они разве хоры? Зачем родных не уважаешь?

— А чего делать, если лошадей нет? И в колхозе не попросишь, сразу Альчибаеву доложат. Потому и приходится втихую, чтобы никто не знал. Ты-то тоже молчи.

Отец и мать налегали на весла, Мокей на корме то с одной, то с другой стороны подгребал ладным и легким, будто игрушечное, хантыйским веслом. Он не хотел дедушке уступать:

— Работать надо мало-мало. Ты потому лишенец, что много работал. Когда жить, если работать?..

— Тише, по воде далеко слышать, — сказала мать, тяжело откидываясь назад при каждом гребке. Становился особенно заметным ее выступающий живот.

Что такое "лишенец", Пашка толком не знал. Знал лишь, что это обидное слово, им в Рябинках дразнили некоторых ребят, их с братом Колькой тоже. Но дедушка ругаться с Мокеем почему-то не стал. Потому, наверно, что это слово каким-то образом было связано с Митяево — деревней, в которой они жили раньше.

Пашка иногда пробовал представить себе это таинственное Митяево, но почти каждый раз получались Рябинки: россыпь приземистых изб, еловый лес вокруг, Вах, вода в котором напоминает цветом чай... В лучшем случае представлялись картинки из увиденного в клубе фильма "Трактористы". Вдоль чистой улицы стоят столбы с натянутыми веревками, посерединке идут веселые колхозницы в белых платочках и с граблями. Обгоняя их, проезжает трактор, а на нем улыбающийся замурзанный парень в майке, кепке и больших, как у летчика, очках на лбу...

"Нет, у нас другое, — отвечает дедушка, когда Пашка приставал к нему с расспросами. Лицо у него разглаживалось, веселело. — Село большое, с церковью, а на горе барская усадьба. Ты-то ничего этого помнить не можешь, тебя оттуда годовалым увезли. В праздники колокола на церкви звонят и парни с гармошками по улицам ходят, песни кричат... Ладно было!"

После долгих Пашкиных уговоров дедушка начинал рассказывать, как они оказались в Рябинках. Начинал неохотно — чего, мол, Пашка в его годы может понять, — но потом рассказ брал его самого за живое. Дедушкин голос подрагивал.

В коллективизацию Бусыгиным и еще семьям двадцати из Митяево дали на сборы час, а затем под конвоем погнали на Тюмень, Тобольск и дальше на север. Красноармейцы в островерхих богатырях были злые, то и дело грозились устроить кулацкому отродью варфоломеевскую ночь. Что это такое, никто не знал, но по голосам красноармейцев было ясно: хорошего не жди. В Тобольске все сани в обозе перетрясли, отобрали иконы и деньги. Под Сургутом умерла бабушка и неженатый дядя Егор. Их не дали похоронить, пришлось обоих закопать в снег.

"Таких псов цепных я отродясь не видел, — сокрушался дедушка, забыв, что говорит с Пашкой. — Я им, чего, мол, сынки, яри-

тесь? Мы природные крестьяне, работали, хозяйство наживали, только в том и виноваты. А меня прикладом в спину, старого-то человека! Дескать, контрреволюционную пропаганду развожу..."

Дедушка рассказывал еще о том, как пригнали в Рябинки. Первым домом была пещера, вырытая в речном обрыве. Никто спецпереселенцев не ждал, здешние люди в свои избы не пускали. Хорошо в комендатуре выдали по лопате и топору на семью — обустройвайтесь... На первых порах выручала конина. Мерин пал уже в Рябинках. Семижильный, от самого Митяева вез пожитки и детей. Сейчас-то уже ничего, обжились, хотя постоянно под надзором комендатуры. То не положено, се не положено... Чуть что — кулаки, лишены избирательных прав — лишены то есть. Да хрен с ним, с этим избирательным правом, лишь в гроб не загоняйте!..

Почему дедушка, рассказывая, так тужил, Пашка понимал плохо. Все его беды и радости были связаны с Рябинками, а далекое и таинственное Митяево — ни о чем не говорило. Сейчас, пригревшись у дедушки на коленях, Пашка подремывал и видел колесный трактор "Форзон", веселого отчаянного тракториста, похожего на кого-то из рябинковских парней, отесанные ровные столбы с натянутыми между ними веревками — "провода", говорят взрослые...

— Погоди-ка. — Дедушка осторожно приподнялся и посадил Пашку на свое место. Неверно ступая в шатком каюке, сделал шаг вперед и тронул мать за плечо. — Пойди к Пашке. С тебя хватит.

Потрявоженный мальчик опять почувствовал холодный простор, влажное дыхание реки, увидел все яснее проступающие деревья на берегах и пустынные песчаные косы. Мать взяла его на колени. Она тяжело дышала, Пашка чувствовал ее выступающий живот. Он опять пригрелся и задремал, а проснулся оттого, что чей-то голос громко сказал:

— Забирай к острову! Еще, еще!..

Было уже совсем светло, синело небо, по ближней отмели, покачивая узкими длинными хвостиками, бегали пестрые трясогузки.

— Вот ты скажи, в каждой деревне — свой обычай!.. — Радостный дедушка, поворачивая голову и поглядывая на приближающийся остров, мелко подгребал веслом. — Здешние хозяева не знают, что такое серп. Коса — это им понятно, а серп в глаза не видали!.. Я как знал, взял из Митяева. Сейчас чем бы овес убирали? По кочкам-то?..

Заражаясь дедушкиной радостью, Пашка с нетерпением поглядывал на остров, ступеньками сходящий к воде. Заросший тальником, он смахивал на огромный хантыйский облас, перевернутый вверх дном, — вытянутый в конце и начале. Как только ка-

юк ткнулся в берег, Пашка прыгнул вниз. И тут же ушел босыми ногами в ил.

— Торопыга! — покачал головой дедушка. — Что, тоже невтерпез?.. Да ты у нас богатый мужик — в сапогах!..

Пашка чуть было не заревел — ноги по колени стали черными от ила, — но передумал. Ему понравились дедушкины слова насчет сапог. Не моя ног, он стал вместе со всеми пробираться вглубь острова. То и дело посматривал вниз, представляя себя в настоящих сапогах.

— Лишь бы медведь не потравил, они овес любят... Не столько съест, сколько затопчет, — прерывающимся голосом говорил дедушка, раздвигая впереди кусты. — У мишки губа не дура, он понимает, овес сытный, быстро жир на зиму нагулять можно...

Вышли туда, где тальника не было. На обширной поляне росла какая-то невысокая пожелтевшая трава с клонящимися книзу метелками. Овес, сообразил Пашка. Было странно, что эту траву можно есть.

— Слава богу, никто не тронул! — дедушка перекрестился. С трудом опустившись на колени, захватил одну из метелок между ладонями, потер. — Пospel. В самый раз!.. Трифон, вынимай серпы. Сразу и начнем, чего ждать... Трифон, ты чего?

Отец, не снимая с плеча мешок, смотрел в сторону тальника на другой стороне поляны. Оттуда вышел низкорослый крепыш в командирской фуражке и два красноармейца с винтовками.

— Альчибаев, мать твою!.. — потерянно выругался дедушка. — Теперь точно перезимуем... — И громко заговорил: — Тоже рыбалить, гражданин лейтенант? Это вы правильно, здесь самые что ни на есть стерляжьи пески. Мы семьей собрались рыбалить, но места всем хватит — и нам, и вам!..

На губах круглолицего, смугло румяного Альчибаева играла презрительная усмешка. Он видел, что дедушка испугался, неловко пробует хитрить, и в его презрении к этим жалким людям появилось даже что-то гадливое. Лейтенант двигался напрямик через овес, с раздражением похлопывая по голенищу сапога прутиком.

— Кондратьев, несите бутыль, — четким голосом распорядился он, не обращая внимания на дедушкины слова. И пока один из красноармейцев доставал что-то припрятанное в тальнике, зло бросил: — Работать не хотите? Думаете обмануть советскую власть? Не выйдет! Советская власть не таким хребты ломала!.. Кондратьев, начинайте.

Расторопный красноармеец, передав винтовку товарищу, принялся поливать овес бледно-желтой жидкостью из бутылки.

— Керосин! — ахнула мать. — Да что же это?..

Дедушка засуетился, замахал руками:

— Гражданин Альчибаев, погодите! Ведь труд, зачем губить? На себе землю под овес пахали, как скоты. Дайте хоть малость собрать, с куском на зиму остаться!..

— Не верите в колхозный строй? Голодом колхоз вас морит? Вредительством занимаетесь, пропаганду разводите? — зло чеканил лейтенант. — Нет вам пощады! В пособники к фашистам и японским милитаристам записались! Ответите перед советским судом!..

— Убрать дайте!..

Молчавший все это время отец вдруг бросился к красноармейцу и стал вырывать из его рук бутыль. Альчибаев выхватил наган.

— Назад, кулачье!.. Кондратьев, поджигайте!

Пашка на всю жизнь запомнит эту картину.

Быстро расползающийся по полю красный, густо дымящий огонь.

Красноармейцы заломили отцу руки за спину, он согнулся и смотрит исподлобья бессильным яростным взглядом.

В голос плачет мать, трясется ее большой живот.

Дедушка Петр молча стоит, его лицо окаменело. Ветерок шевелит растрепанную бороду...

Пашке тоже вслед за матерью хочется заплакать, но весело бегущий по полю огонь кажется ему живым, нестрашным. Мальчик несмело выглядывает из-за матери, и в глазах у него — любопытство.

XI

Наталя заметила, что на тетрадный лист с записями упало несколько капель. Она вытерла их ладонью, но слезы все капали и капали. Бумага в этом месте становилась выпуклой и рыхлой. Наталя смотрела вниз, на нумерованные клетки производителей, к которым подсадили новую партию самочек, на азартный коитус, а перед глазами стояло глуповатое лицо Нефедовой. Господи, за что ей все это?..

Нефедову она встретила по дороге на звероферму. Было такое впечатление, что бабка шатается по деревне от нечего делать. "Ну ты представь, нигде никого нет! — сокрушенно пожаловалась она. — Ни в клубе, ни на почте. И куда весь народ подевался!" Наталя хотела было ответить в том смысле, что народ в отличие от нее делом занят, но не стала. Убогий по-своему человек. Всю жизнь чужим умом живет.

Баба Валя, довольная, что хоть кого-то встретила, принялась рассказывать, как была недавно в городе и как на рынке увидела ее свекровь. Обувью торгует. А про мужа совсем забыла, пусть, мол, сам с хозяйством управляется. "Она у вас вообще непутевая. — Нефедова доверительно приблизила лицо и заговорила вполголоса, хотя вокруг никого не было. — Сколько раз замуж выходила, я и со счета сбилась. Твой Олежка в нее. Чего, скажи, при первой жене со всяким блядвом связываться?.. Ты не знала, что ли? Люди видели, как Олежка от Марго выходил. На ней же пробы негде ставить!.."

У Натальи хватило сил спокойно спросить: "Зачем вы это мне рассказываете?" И только на смотровой вышке она дала себе волю. То, что Олег от нее гуляет, она догадывалась. Если бы даже от мужа после поездок в город не пахло духами, есть множество мелочей, которые выдают мужчину. Но чтобы с Марго... Ничего более унижительного придумать было нельзя.

А как он сначала ей понравился! После второго курса Наталья приехала домой на каникулы, и как раз в это время в совхозе солдаты заготавливали сено. "Золотая! — окликнул ее один из них вечером на пруду. — Ты где пряталась, золотая? Что-то я тебя раньше не видел". Наталья смутилась. Ее все больше звали рыжей, и вдруг так красиво: золотая... Почему-то застеснявшись своего бикини, она осторожно посмотрела на парня. Стройный, с четко прочерченным прессом, он единственный из пришедших после работы купаться солдат был не в длинных сатиновых трусах, а в элегантных плавках.

Освещенный заходящим красным солнцем парень спросил: "А ты везде золотая? Покажешь?.." — "Дурак", — только и сказала Наташа. Но какая девушка в глубине души не ждет от парня того, о чем может разве что подумать?.. В их союзе Олег всегда был ведущим. Он восполнял то, чего не хватало ей — уверенности в себе, смелости, предприимчивости. Но когда предприимчивость переходит в авантюризм, а уверенность в себе — в наглость и позор для близкого человека...

Наталья закрыла глаза. Слезы сами собой покатались по щекам, щедро закапали на тетрадь с пометками количества коитусов. Нет, так жить больше нельзя! Позорить себя она не даст.

Наталья не сразу сообразила, что на вышку кто-то поднялся.

— Не хочет работать. — Тесть подошел к просторному окну, возле которого она сидела, стал смотреть вниз, на выстроившиеся в ряд клетки с производителями. — Устарел двадцать седьмой. Лежит. Лисичка перед ним и так, и этак... Под колотушку скоро пойдет. Получается, гон для лисовина, как экзамен. Хорошо отработал — живи! Нет — под колотушку!..

Тесть со своим философствованием был сейчас совсем ни к чему, но делать нечего. Наталья постаралась незаметно вытереть глаза и ниже склонилась над тетрадью. Тесть вел свое:

— Вот такая она, жизнь. Может, этот двадцать седьмой только и стал что-то понимать, а все, давай под колотушку! Устарел, для дела негодный. Нечего корм переводить, молодые лисовины на подходе. Они-то работать будут, силы много!..

В голосе свекра была какая-то неискренность, и Наталья подумала: чего он пришел на самом деле? Вспомнился недавний разговор, когда тесть предлагал выходить за него замуж, но прежней обиды она не почувствовала. Какой все-таки Олег скотина!..

— Вот те на! Ты чего это?.. Кто обидел-то?

Наталья уронила на руки голову и уже не таясь, в голос зарыдала. Трифоныч остановился рядом.

— Ну ладно тебе, Наташа. Чего так переживать, — неуверенно забормотал он. — Чего случилось? Брось, все будет нормально...

Еще сильнее заплакав, она ткнулась лицом в его рукав, будто ребенок, наконец-то нашедший понимание и защиту. Трифоныч принялся гладить ее по голове, по плечам. Подняв на ноги, прижал к себе, обнял и стал шептать, что она хорошая женщина, таких сейчас мало, ее надо ценить и любить, что дети от нее должны быть хорошие, в мать, и муж должен быть хороший, а не баламут Олежка, который хрен знает, о чем думает, а только не о семье и не о жене...

Наталья почувствовала твердые мозолистые ладони, которые пробирались все глубже под одежду. Но вырываться или оттолкнуть тестя у нее не было ни сил, ни желания.

XII

Илья от водки теперь не отказывался. Одну за другой опрокидывал в рот стопки и почти не закусывал. Забеспокоился даже Кашпировский:

— Ваше благородие, извольте ветчинки с огурчиком! Иначе отключитесь раньше срока и не увидите мои феноменальные способности.

Илья сосредоточенно смотрел перед собой, время от времени касался пальцами пластыря на рассеченной брови и молчал. Под глазом у него наливался багровый кровоподтек.

У Олега настроение было не лучше, но он сказал:

— Ладно тебе! Меня родной дядя послал, и то я ничего.

— Скоты зажавшиеся, — бормотал охранник и смотрел в пространство немигающими глазами. — За людей не считают.

— Да брось ты!.. Слушай, Кашпирян, мы ему сейчас женщину организуем. Марго, наша рябинковская смоковница. Профессионалка!

Кашпировский закивал:

— Хорошо дурную кровь оттягивает. Неоднократно и всесторонне проверено. Самые лестные отзывы.

Полуголые, они уже второй час сидели в жарком предбаннике. Небольшой столик был плотно уставлен закуской и бутылками. В углу надрывался магнитофон. Повязанный по бедрам полотенцем, Кашпировский иногда выскакивал за дверь и, напуская клубящегося по низу морозного воздуха, приносил охлаждавшееся в снегу пиво. Он же хлестал Олега и Илью веником, когда те забирались в парилку на полкок.

Олег несколько раз пробовал охранника уговорить покататься после парилки в снегу, но тот хмуро отмалчивался.

— Ну ты, ей-богу! Будто тебя никогда не били!.. Ты где раньше работал?

— В школе. Физруком.

— И что, не попадал в переделки? Херня, не поверю!.. Каждый мужик бьет и его бьют. Закон жизни!.. — Поняв, что Илью не расшевелить, приказал: — Кашпирян, давай по-быстрому за Марго. Товарищу нужна срочная сексуальная помощь.

Багровому от тепла и водки Кашпировскому совсем не хотелось отлучаться от обильного стола и идти куда-то в темноту на мороз.

— Может, не будем форсировать события?

— Давай-давай! — по-хозяйски прикрикнул Олег. Глядя на него, уже трудно было поверить, что и он недавно перенес унижение. Олег выглядел вполне благополучным, уверенным в себе человеком.

— Как скажешь, гражданин начальник. Я — мухой!

— То-то.

Едва за Кашпировским захлопнулась дверь предбанника, как Илья принялся молча натягивать брюки. Олег удивленно уставился на него.

— Не понял! Ты куда?

— Одевайся. Пойдем к вашему главе администрации.

— Зачем?

— Поговорим.

— Ты чего, охренел? Поддатые, с фингалом под глазом?

Илья был непреклонен. Его зрачки сумрачно горели.

— Почему он тебе помочь не хочет? Ты как рыба об лед... Скоты! Все они скоты!..

Олег несколько секунд молча смотрел на него. Вот так поворот!.. Такого сочувствия от охранника он никак не ожидал. Лишь бы глупостей по пьянке не наделал.

— Дай пистолет.

— Я как стеклышко! Не веришь?..

— Верю. Дай пистолет. А то не пойду.

Через несколько минут они уже мчались на "Буране" по темным улицам села. Впереди метался желтый свет фары. У одного из домов за снегоходом увязалась собака и цапнула Илью за ногу. Он этого почти не заметил.

Сидя у Олега за спиной, кричал на ухо, какие это сволочи, начальство и богатые люди. У них в банке тоже. Вроде все вежливые, на "вы", а охрану на самом деле презирают. Не хотят понять, что у него удар правой сто пять кэгэ, он школу телохранителей закончил. Любому может обломать рога!..

Остановились у большого, с мансардой дома, обшитого светлым пластиком. Олег с любопытством поглядывал на Илью. Интересно, что из всего этого выйдет?.. Дом Валентина Степановича напоминал богатую дачу где-нибудь в пригороде. Даже электрозвонок у входа был. Олег нажал на кнопку.

Появилась приземистая, очень полная женщина в брюках и сигаретой во рту. Прикрывая грудь концами шали, без церемоний спросила:

— Чего надо?

— Мне-то ничего, — сказал Олег, отступая за спину Ильи. — У товарища какой-то вопрос.

Сорокина оценивающе смерила Илью взглядом.

— Это тот, что тебя сегодня привез?.. Олежка, ты чего перед Валентином Степановичем в городе выступал? Крутой очень? У тебя проблем мало?.. — Она опять перевела взгляд на Илью. — Чего надо, конвоир?

Илья обиделся.

— Я не конвоир, а представитель банка. Хочу поговорить с вашим мужем.

Женщина затаилась, выдохнула сигаретный дым.

— Говори со мной. И быстрее давай. Не лето, холодно стоять.

— Мне ваш муж нужен, — упрямо повторил Илья.

Олег сзади шепнул:

— Настоящий глава администрации — она...

— Фу, да вы пьяные! — Женщина отстранилась, негодуя трянула короткими, пышно завитыми волосами. Ее большое круглое лицо гневливо покраснело. — Олежка, тебе уроки не впрок! Не знаешь, что ли, я пьяных не переношу? Не дошло еще? Оборзели!..

Илья взорвался:

— Вы почему зажимаете частного предпринимателя? Окопались на теплых местах, сволочи!

Сорокина изумленно смотрела на него. Она даже рот приоткрыла и забыла про сигарету.

— Что уставилась, свиноматка? Правды не слышала? Никто не говорил? Все боятся?.. Была бы ты мужиком, я бы тебе быстро все растолковал!..

— Подожди, я сейчас, — сказала Сорокина и, резво развернувшись громоздким телом, заспешила в дом.

Дело было дрянь. Здесь таких слов не прощали, Олег это на собственном опыте знал. Он потянул Илью за куртку.

— Рвем когти! Она пошла звонить участковому.

Илья уперся.

— Никуда я не пойду. Мне нечего бояться. Это вы здесь все обосрались.

— Как знаешь. — Олег оседлал "Буран", дернул тросик стартера. Взрослый человек, в случае чего сам виноват будет. Никто не заставлял.

Ну вот, он теперь практически свободный! Само получилось. Еще и с "макаровым" в кармане! Куда-нибудь далеко уехать или лечь на дно теперь не проблема.

В доме горел свет, значит, Наташка уже вернулась с работы. Но заходить Олег не стал, сразу направился к бане.

В предбаннике Кашпировский подливал Марго. Та сипло смеялась и толкала его плечом. Марго была в выцветшем купальнике, но в валенках. Видно, мерзли ноги — по низу ощутимо тянуло.

— Прикрывай лавочку. Разбегаемся. — Олег, как был в дубленке и унтах, прошел к столу, выпил водки. Он даже шапку снимать не стал.

Марго с пьяным изумлением захлопала глазами.

— Чего тогда звали?.. Я все бросила, пришла — и пожалуйста, выгоняют!

Кашпировский тоже смотрел недоуменно, хотя ничего не говорил.

— Сейчас участковый придет, в подельники определит. Илюха, придурок, решил отношения с властью выяснять. Хорошо еще, я пистолет забрал... Чего ждете? Оделись и по домам!

Марго вдруг ударила по столу ладонью.

— А вот никуда не пойду, и все! Я что вам, малолетка — то приходи, то уходи. — Марго или здесь уже так развезло, или она пришла навеселе. С пьяной настойчивостью она принялась гро-

зить пальцем. — И вообще, Олежка, ты мне должен! Я тебе никогда не прощу! Никогда!..

Олег слегка даже опешил.

— Чего это я тебе должен?

— Чего... А кто меня на буксир продал? Забыл уже?... Я по-омню! Четыре мужика, а я одна. Забыл?..

— Не гони пургу! Две недели проблем не знала, они тебя поили и кормили.

— Мне обидно! Я, может, человек! Женщина!..

Олег засмеялся. Ну, дает. Женское достоинство прорезалось!.. Года два назад он и в самом деле отвел Марго на приставший к Рябинкам буксир — "продал", как говорили в таких случаях. Мужики расплатились ящиком водки. Была середина навигации, они два месяца жен не видели. Если б Марго не хотела, так не пошла бы. Или в Вах прыгнула — плавать-то умеет. Целочка нашлась...

— Ты мне посмеешься! Я такое знаю!..

— Потом расскажешь. Одевайся по-быстрому. — Олег стал бросать Марго одежду.

— Не-е-т, я сейчас скажу. Ты у меня смеяться быстро перестанешь!.. Жалко Наташку подставлять, но ты сам виноват, сам! — Марго опять принялась грозить пальцем. — Довел женщину. С тестем трахается. Сама видела!..

Олег остановился, перестал бросать одежду.

— Думай, что говоришь. Это ты профура, а она семейная женщина.

— Профура?! — Взвилась Марго. — Я с родственниками не трахаюсь! Твоя Наташка профура!

Не отвечая, Олег засунул руку в карман и вытащил "макарова". Марго споткнулась на полуслове и умолкла. Олег снял пистолет с предохранителя. Кашпировский, который все это время быстро наливал в стопку водку и пил, крякнул и солидным голосом произнес:

— Олег Павлович, прошу вас, без эксцессов.

Олег секунду помедлил и, развернувшись, толкнул дверь на улицу.

XIII

Собака завизжала с таким отчаянием и болью, что Трифоныч невольно подался к окну. По дороге в прозрачных еще сумерках убегала мосластая тощая сука. Она испуганно оглядывалась назад, под животом болтались вытянутые пустые сосцы. Похоже хотела чем-то поживиться в соседнем дворе, а ее сильно ударили.

Вид у суки был такой затравленный и жалкий, что Бусыгин несколько секунд стоял неподвижно. Щенки тянут, жрать хочется нестерпимо, а отовсюду гонят и бьют... Тоска сжала сердце. Голод и страх, подумал он. Ничего другого в жизни, только голод и страх. У человека тоже. Для чего такая жизнь? Повинность? Зачем?..

Андрюха куда-то ушел, и это тоже было сейчас нехорошо. Все-таки живой человек, иногда и словом можно перекинуться. Не очень весело он жил с Татьяной, а все равно рядом кто-то был. Татьяна... Жизнь потратил, чтобы у них стало по-людски. Ничего не вышло. Может, потому один Олежка и получился. Да и тот...

Поздно.

Поздно он спохватился.

Трифоныч отложил в сторону сеть (скоро вскроется Вах, надо быть готовым), влез в телогрейку и вышел во двор. Догорал чистый холодный закат, с каждым вечером уходивший все дальше к западу. Виднее стало над газоперерабатывающим заводом далеко за рекой. Оба кобеля не могли никак успокоиться, все метались вдоль глухого забора, злобно лая вслед убежавшей собаке.

— Цыц! — прикрикнул Трифоныч. Тоже, как люди. Одна судьба, а готовы друг друга загрызть.

Стайка пахнула запашистым теплом, коровьим дыханием. Бусыгин безошибочно опустил руку на выключатель у входа, зажег свет. Потревоженно хрюкнула свинья с поросятами. Дробно застучали острыми копытцами овцы по доскам настила. Червонка встретила доверчивым жалующим взглядом. Всего несколько часов прошло, как Трифоныч видел ее, а казалось, живот у коровы стал еще больше.

Яловая Комолая косила фосфорисцирующим глазом. Но неприязни к ней, напрасно переводившей столько времени корм, Трифоныч не почувствовал. Как не чувствовал сейчас и особой любви к Червонке. Они обе дышали, дергали кожей, жевали жвачку — и это было главное. Живые. Пусть не люди. Хорошо, что не люди.

Он встал на лестницу, откинул крышку и поднялся на сеновал. Нашел вилы и принялся бросать сено вниз. Надо на ночь задать коровам и быку. Работа была простая, бездумная, и мысли опять стали вертеться вокруг сегодняшнего случая на смотровой вышке... Чтобы не было так досадно и стыдно, Бусыгин представил сургутский речвокзал, тускло освещенный зал ожидания и Татьяну с ребенком на руках, ее неприкаянный вид. Хотя хорохорилась, то и дело выпрямляла спину и горделиво откидывала голову. Это у них семейное. Как же, мы — Земсковы, лучшие в районе соболятники, известные люди!..

О Татьяне он узнал от Коровкина, у которого жил на квартире. Стоял октябрь, вот-вот должна была закончиться навигация — со

времени неудачного сватовства прошел почти год. "Лежишь, значит! — Лоцман присел на его отгороженную занавеской кровать. Выражение лица было непонятное. Он был навеселе: последнее время Коровкин целыми днями пропадал в конторе "Сплавлеса", закрывал летние наряды, а вечером обязательно отмечался в буфете речвокзала. Он вдруг сильно хлопнул Павла по ноге. — Еще не оприходовал мою Тамарку? Ты мне прямо говори, я отец, должен знать!.. Или не по душе?.. Ладно, дело твое. Беги на пристань, там твоя мадам. Полагаю, сбежала от мужа. Может, от родителей... Зря вообще-то суетишься! Хорошего не будет. Коровкин под людьми на три метра видит, зря говорить не станет!..."

Ему бы прислушаться к тем словам, а он отбросил книжку, засуетился, стал натягивать хромовые сапоги, схватил из шкафа пальто с барашковым воротником... Скользя в темноте по раскисшей глине, добежал до речвокзала. Зайти сразу не решился, пошел по дебаркадеру вдоль окон, всматриваясь в запотевшие стекла. Сердце бухало. Когда увидел Татьяну, оно споткнулось и замерло. Неизвестно, хватило бы у него смелости открыть дверь и зайти. Помог случай. Татьяну стали тянуть к буфету подвыпившие грузчики. Она отпихивала руки, сверкала глазами, но чувствовалось — испугалась. Среди грузчиков было много бывших зеков. "Парни, вы чего? Это сеструха моя! — Павел сам не понял, как оказался рядом. По-хозяйски взял у Татьяны ребенка. — Чего телеграмму не отбила? Хорошо, люди сказали".

Она и в самом деле опять ушла от мужа. Вернулась в Рябинки, а там отец не принимает. Нашла коса на камень. Без денег, без теплой одежды села на пароход... Он, Павел, нашел ей квартиру, все деньги, заработанные за плавсезон, потратил на нее и дочку. Татьяна его долго к себе не подпускала. Но и когда стали жить семьей, холодок все равно остался. Может, она из таких людей, которым никто не нужен — одиночка по жизни... Бывали по ночам моменты, когда Татьяна, содрогаясь всем телом, плотно подавалась к нему, дышала со стоном. Но неизвестно, о ком в эти секунды думала. Да и думала ли? Инстинкт. А так — за всю жизнь ни разу его не поцеловала. Ни тогда, когда жили в Сургуте, ни позже, когда он перевез семью в родительский дом в Рябинках.

Трифоныч взял рукой клоч сена, помял, поднес к лицу. Нет, уже не пахнет. Выдули запах ветры, выжгли морозы. А как хорошо и сладко пахло разнотравье в августе!.. Так и его жизнь. Еще немного — и останется одна труха непонятного цвета и запаха.

На дворе уже стемнело. Озаряя горизонт прыгающим светом, горел факел над газоперерабатывающим заводом. Звезды над головой, однако, также хорошо были видны. Ночью подморозит, от-

метил Бусыгин. Надо было жить дальше. Варить суп, принести мешок с куриными шеями и лапками — свинье, ее поросята сосут. Утром, как и задумано, он уберет Комолую. Хозяйство запускать нельзя, как бы паскудно на душе не было.

Он растопил печь, поставил на плиту кастрюлю с двумя ножками Буша, набрал в подполе картошки. Нужно было посмотреть тулку. Так и есть, Андрюха после охоты не почистил!.. Трифоныч разложил на столе газету, достал шомпол, масло и, пока закипали ножки Буша, сделал все, что полагается.

Порядок. Чтобы все было наготове, вставил в стволы патроны с пулями. Второй — на всякий случай. Скотина не должна мучиться.

За этим занятием его и застал Олежка.

Трифоныч так и не понял, почему не залаяли кобели, — сын был нечастый гость в его доме. Олежка распахнул дверь и остановился на пороге, вызываясь засунув руки в карманы. Однако ожесточение, с которым он ступил в дом, тут же почти исчезли — похоже, Олег не ожидал увидеть в руках у отца ружье.

— Чего такой грозный? — с легкой насмешкой, как обычно и говорил с сыном, спросил Бусыгин.

Замешательство Олега быстро прошло.

— Это я тебя хочу спросить! Почему меня позоришь? Что у тебя с Наташкой было?!

У Трифоныча екнуло внутри: вот уже и знают в деревне!.. Но вида он не подал, для чего-то взвел курки.

— Чего молчишь? Было?..

А все-таки он меня боится, подумал Бусыгин, посмотрев на сына. Заводит себя, распаляет, а сам настороже... И эта мысль вызвала не презрение, которое он чаще всего испытывал к сыну, а полузабытое снисходительно-теплое чувство.

Тридцать лет мужику, а стержня, настоящей уверенности в себе нет. Все с налета, все нахрапом — тоже, наверно, несладко. Отчего так? Почему они между собой чужие? Другой породы, но — сын...

— Кто тебе такое наплел? — спросил он как можно спокойней и поставил тулку прикладом на стол.

— Нашлись люди!

— Не Марго ли? Я ее недавно с комбикормом шуганул, вот она и распускает сплетни.

Если бы дело было только в нем, он говорил бы по-другому — унизительно было врать и выкручиваться в его возрасте. Да еще перед сыном. Но не хотелось подводить Наталью. Она-то в чем виновата.

— Ты мне пургу не гони! — на глазах наглед Олежка. Он выхватил руку из кармана, и Трифоныч увидел наставленный писто-

лет. — Короче, пятьсот тысяч за моральный ущерб! Было, не было — разбираться не будем. Пятьсот тысяч — и забыли!..

Трифонычу кровь ударила в голову.

— На отца — с пистолетом?! — В ярости он ударил прикладом о столешницу. Гроыхнуло так, что с полок посыпались тарелки. Задымилась над печкой занавеска, в которую угодили заряды. Из-за занавески с диким воплем выскочил кот. Трифоныч схватил тулку за ствол, замахнулся на Олега. — Пугать вздумал?! Отца?!

Присев в коленках и выставив в вытянутых руках пистолет, Олег пятился к порогу. Он, похоже, воображал себя сейчас то ли гангстером, то ли полицейским из какого-нибудь американского боевика. Бусыгин запустил в него ружьем. Олежка увернулся, выскочил за дверь. В тамбуре застучали его шаги.

Тяжело дыша, Трифоныч опустил на табурет. Его колотило.

От обиды и гнева на сына, пустого человека. Оттого, что сейчас только начинать бы по-настоящему жить, а уже другое время, не его. Оттого, что в этом новом времени главное не то, что он привык считать важным, а мелкое и ничтожное, над чем можно было бы посмеяться, если бы все не так неотвратимо и больно.

XIV

И вот он сидит за столом, ест суп с курятиной и без интереса смотрит на телевизор под потолком. Там клип, беснуются негры, орут что-то дикое и непонятное.

Перед ним початая бутылка. Сегодня нужно, за день много чего произошло. Достали.

Чтобы не вспоминать, думает о неграх. На его памяти они были угнетаемым американскими империалистами народом, потом поющим по-русски и потому симпатичным Полем Робсоном, еще позже — олимпийскими чемпионами, по-животному быстрыми и выносливыми. Теперь уже и не негры, а афроамериканцы. Похотливые, наглые, почти все наркоманы и больные спидом. Какими станут для внука Генки и других людей, подпирающих Трифоныча, выталкивающих его из жизни, — неизвестно.

На кухне жарко. От теплого воздуха вверху над печкой шевелится простреленная занавеска. Но уходить отсюда не хочется. Трифоныч снимает рубашку и остается в футболке с надписью BOSS на груди.

— Не по-нашему написано, — слышит он голос. Ищет глазами и видит в углу дедушку Петра.

Дедушка в глухо застегнутой белой рубаше, в дешевых хлопчатых брюках, подпоясанных сыромятным ремешком — такой, каким его запомнил в гробу малолетний Пашка. Редкая дедушкина

борода тщательно расчесана. Причесаны и волосы, прикрывающие восковую лысину.

— Здесь? — спрашивает Трифоныч и показывает себе на грудь. Он совсем не удивляется тому, что видит давно умершего деда. — По-американски написано. По-ихнему это значит, что я большой начальник... — Трифоныч усмехается.

— Хорошо, что нас не боишься, — спокойно произносит дедушка Петр. — Трифон, подойди сюда.

Вслед за дедом появляется отец. Вид у него запущенный. Отец зарос щетиной, красноармейская форма без петличек кое-как заштопана, над ботинками с отставшей подошвой грязные обмотки. Но даже такой он сейчас намного моложе его, Трифоныча.

— Выходит, советских победили не немцы, а американцы, раз их слова на груди пишете? — говорит дедушка, проходя к столу.

— Выходит, — опять усмехается Трифоныч. — Есть будете?

— Мне без надобности. А ему дай, — кивает на отца дедушка. — От голода на заводе в Челябинске умер. И от работы.

Бусыгин наливает всем водки, отцу еще и большую тарелку супа. Все вместе выпивают. Отец принимается жадно есть, то и дело протягивая руку за хлебом. Но ни супа, ни хлеба не убывает.

— Зря ты парня своего прогнал. Дал бы денег сколько-нито.

— Если бы на пользу, — хмурится Бусыгин. — Спустит за месяц. Работать по-настоящему не хочет.

Дедушка кивает, но нравится ему такой ответ или нет — не ясно.

— Как у вас т а м? — спрашивает Трифоныч. Ему радостно видеть деда и отца, хочется о многом расспросить и о своей жизни рассказать. — Есть т а м что-нибудь?

— Сам узнаешь, — скупно отвечает дедушка Петр.

— Скоро?

— Не скажу.

— Мать, бабушку встречаете? Другую родню?..

Дед ничего не говорит. Ему, похоже, все на кухне нравится. Он прислушивается к огню в печке, гладит ладонью пластик стола, смотрит на большой глянцевый лист календаря с котятами — Татьяна еще покупала.

— Справно живешь.

— Да вроде, — соглашается Трифоныч. — Только на мне, видно, все кончится.

Бусыгин опускается на табурет. Неподвижно сидит, опустив голову. Гудит пламя в печке, и что-то ненужное бормочет телевизор.

